

Годъ 1.

1907.

ОТКЛЮЧИ
НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ

— — — И — — —
Е Г О Д О С У Г И.

№ 11

Ноябрь

ИНОГРАФІЯ К. А. БАРАНЬЕВА, г. ВОЛОГДА.

 Редакторъ-издатель А. О. Знаменскій.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

Высочайшие приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

(7-го июля 1907 года, № 45). НАЗНАЧАЮТСЯ: директоръ Феодосійскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ **Бутовъ**, директоръ народныхъ училищъ Херсонской губерніи, статскій совѣтникъ **Богоявленскій**, инспекторъ народныхъ училищъ Ялтинско-севастопольско-евпаторійскаго района, коллежскій совѣтникъ **Руновскій**—директорами: Бутовъ—Луганской гимназіи, Богоявленскій—Феодосійскаго учительскаго института, Руновскій—Херсонской учительской семинаріи, все съ 1-го июля.

УВОЛЬНЯЕТСЯ отъ службы, за выслугую срока: статскій совѣтникъ, директоръ Херсонской учительской семинаріи, **Боголюбовъ**, съ 1-го июля.

По Рижскому учебному округу. ПРОИЗВОДЯТСЯ, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежские совѣтники*: врачи Рижскихъ еврейскихъ начальныхъ училищъ: двухкласснаго, **Виленкинъ**—съ 7-го марта 1906 г. и однокласснаго, **Гордонъ**—съ 4-го мая 1906 года; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учитель-инспекторъ Гаисальскаго трехкласснаго городского училища **Лойко**—съ 1-го февраля 1907 г.; учитель Ревельского четырехкласснаго городского училища Императрицы Екатерины II **Каллининъ**—съ 15-го августа 1906 г.; врачъ Рижского городского Маріинскаго женскаго училища **Рейнартъ** (онъ же Рейнгурдтъ)—съ 19-го июля 1906 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *кол-*

лежскіе асессоры: учитель-инспекторъ Аренсбургскаго трехкласснаго городскаго училища **Талайко**—съ 20-го октября 1906 г.; учителя Юрьевскаго четырехкласснаго городскаго училища: **Шушеринъ**—съ 1-го іюля 1905 г. и **Процвѣтовъ**—съ 1-го августа 1906 г.; врачъ Феллинскаго трехкласснаго городскаго училища **Сосарь**—съ 10-го октября 1904 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титуллярные совѣтники*: сверхштатный учитель Рижскаго трехкласснаго городскаго училища **Тихомировъ**—съ 1-го іюля 1904 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: учителя: городскихъ начальныхъ училищъ: Рижскихъ соединенныхъ, **Лепинъ**—съ 1-го января 1906 г. и **Абель**—съ 1-го августа 1905 г.; Рижскаго, **Озолинъ**—съ 1-го октября 1905 г. и Ревельскаго 5-го, **Морозовъ**—съ 18-го августа 1906 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: дѣлопроизводитель дирекціи народныхъ училищъ Лиѳляндской губерніи **Куутъ**—съ 30-го іюня 1907 г. и учитель Рижскихъ городскихъ соединенныхъ начальныхъ училищъ **Цируль**—съ 1-го января 1904 года.

УТВЕРЖДАЕТСЯ въ чинѣ, со старшинствомъ: *коллежскаго секретаря*, учитель Феллинскаго трехкласснаго городскаго училища **Глаголевскій**—съ 1-го января 1903 г.

(13-го іюля 1907 года, № 47). НАЗНАЧАЕТСЯ: директоръ ремесленно-воспитательнаго заведенія имени Н. П. Трапезникова, въ гор. Иркутскѣ, статскій совѣтникъ **Шангинъ**—директоромъ Иркутскаго промышленнаго училища.

По Казанскому учебному округу. ПРОИЗВОДЯТСЯ, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: наставникъ Казанской учительской семинаріи **Вилькенъ**—съ 6-го іюня 1906 г.; изъ коллежскихъ асессоровъ въ *надворные совѣтники*: учитель Вольской учительской семинаріи, **Соловьевъ**—съ 24-го апреля 1904 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, учитель Уржумскаго приходскаго училища **Николаевъ**—съ 16-го февраля 1904 г.

УТВЕРЖДАЮТСЯ въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника*, инспекторъ народныхъ училищъ Казанской губерніи **Крестниковъ**—съ 1-го іюля 1903 г.; *коллежскаго асессора*: учитель Казанскаго промышлен. училища **Ремьевъ**—съ 1-го сентября 1902 г.; *коллежскаго секретаря* учителя городскихъ училищъ: четырехклассныхъ: Вятскаго, **Петровъ**—съ 1-го августа 1902 г.; Сарапульскаго, **Борисовъ**—съ 6-го

іюля 1900 г. и Головъ—съ 14-го іюля 1901 г. и трехклассныхъ: Ядринскаго, Феодосіевъ—съ 1-го августа 1902 г. и Козьмодемьянскаго, Александровъ—съ 1-го августа 1902 г.; коллежскаго регистратора: учитель чистописанія и рисованія Алатырскаго городскаго трехкласснаго училища Каменщицковъ—съ 6-го октября 1901 г. и домашній учитель Казанской дирекціи народныхъ училищъ Матв'євъ—съ 15-го августа 1906 г.

(24-го іюля 1907 года, № 48). НАЗНАЧАЮТСЯ: директоръ народныхъ училищъ Тульской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Богословскій—директоромъ Ярославскаго реальнаго училища, съ 1-го іюля; директоръ Новинской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Одинцовъ—директоромъ народныхъ училищъ тульской губерніи; инспекторъ народныхъ училищъ Кяшиневскаго уѣзда, Бессарабской губерніи, статскій совѣтникъ Лакашинъ и преподаватель Кубанскаго Александровскаго реальнаго училища, коллежскій секретарь Виноградовъ—директорами: первый—Преславской учительской семинаріи и послѣдній—Тамбовскаго Екатерининскаго учительскаго института, изъ нихъ: Лакашинъ—съ 1-го іюля 1907 г.

По Варшавскому учебному округу. ПРОИЗВОДЯТСЯ, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники: Вейверской учительской семинаріи, Антосяю—съ 1-го августа 1906 г.; изъ коллежскихъ ассесоровъ въ надворные совѣтники: инспекторъ народныхъ училищъ Сѣдлецкой губерніи Васильевъ—съ 20-го января 1907 г.; изъ титуллярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассесоры: врачъ Лодзинскаго мануфактурно-промышленнаго училища Висневскій—съ 13-го января 1901 г.; штатный учитель Бѣльской учительской семинаріи Сенько—съ 1-го сентября 1905 г.; учителя-инспекторы Варшавскихъ городскихъ училищъ: шестикласнаго, Омінскій—съ 1-го октября 1903 г. и четырехкласснаго, Апродовъ—съ 1-го сентября 1906 г. и учитель Варшавскаго шестикласнаго городскаго училища Криворучкинъ—съ 1-го августа 1906 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титуллярные совѣтники: дѣлопроизводитель канцеляріи Сувалкской учебной дирекціи Кеслеръ—съ 1-го сентября 1904 г.; учитель 1-го Варшавскаго трехкласснаго городскаго училища Сердюковъ—съ 24-го августа 1902 г.; въ коллежскіе

регистраторы: дѣлоизготовители канцелярій учебныхъ дирекцій: Кѣлецкой, **Масюкъ** и Плоцкой, **Кобринъ**, бухгалтеръ канцеляріи Сѣдлецкой учебной дирекціи **Гольчевскій**, письмоводитель Варшавы того ремесленнаго имени М. Конарского училища **Мариинскій**, писецъ высшаго оклада канцеляріи Сувалкской учебной дирекціи **Крашевичъ**, всѣ пятеро—съ 5-го октября 1906 г.

По Виленскому учебному округу. ПРОИЗВОДЯТСЯ, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассесоровъ въ *надворные советники*: учитель-инспекторъ Игуменского городского училища **Романовскій**—съ 11-го октября 1906 г.; учитель Игуменского городского училища **Любоцкій**—съ 16-го октября 1906 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные советники*: учителя городскихъ училищъ: Гродненского, **Прокопьевъ** и **Мацуевъ**, оба—съ 1-го августа 1904 г., Новогрудского, **Демидовичъ**—съ 1-го августа 1907 г.; въ *коллежские регистраторы*: учители приходскихъ училищъ: Россаго, **Литвиновичъ**, Волковыскаго **Симоновичъ**, Верцелишкаго, **Матешукъ**, Бѣлостокскаго, **Николаевъ**, Брестъ-Литовскаго крѣпостного, **Василюкъ**, Гродненскаго 4-го, **Куцко** и Гродненскаго 3-го, **Кисель**, всѣ семеро—съ 5-го октября 1906 г., Сокольскаго, **Шидлоўскій**—съ 1-го сентября 1905 г. и Клещельскаго **Охрицъ**—съ 1-го сентября 1902 г.

УТВЕРЖДАЮТСЯ въ чинахъ, со старшинствомъ: *титулярного советника*, штатный врачъ Мирскаго городского училища **Гольбергъ**—со 2-го апреля 1903 г., по степени лѣкаря; *коллежского секретаря*: завѣдывающій Раковской низшей ремесленной школой **Пальцевъ**—съ 1-го мая 1902 г.; учитель общеобразовательныхъ предметовъ Минской школы ремесленныхъ учениковъ **Ковановъ**—съ 1-го августа 1902 г.; учитель городскихъ училищъ: Пинскаго, **Бохланъ**—съ 1-го августа 1902 г., Пружанскаго, **Костюкъ**—съ 1-го июля 1902 г., Сокольскаго, **Шуницкій**—съ 1-го августа 1902 г.; *губернскаго секретаря*, бывшій учитель уѣзднаго училища, нынѣ учитель Пружанскаго городского училища **Третьякъ**—съ 1-го января 1901 г.

Высочайшия награды по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу Главноуправляющаго Собственnoю Его Императорскаго Вѣ-

личества канцелярію ходатайства Намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ, въ Монаршемъ вниманіи къ пятидесятилѣтней отлично-усердной и полезной педагогической дѣятельности по народному просвѣщенію учителя—завѣдующаго евангелическо-лютеранскимъ двухкласснымъ приходскимъ училищемъ въ гор. Тифлісѣ Матвея Шварца—Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать ему, 2-го іюля сего года, орденъ св. Анны 3-й степени.

Опредѣленія основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Опредѣленіями основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Признать заслуживающею вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующую книгу:

— „Зайчикъ, Робертъ. Люди и искусство итальянского возрожденія. Переводъ съ чѣм. Е. Герстфельдъ, подъ ред. Г. Форстена. Издалъ В. Березовскій. С.-Пб. 1906. Стр. VIII+404. Цѣна 2 руб. 50 коп.“

Опредѣленія отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Нахимовъ, Николай. Вѣра, молитва и жизнь православного христіанина. С.-Пб. 1907. Стр. VII+258. Цѣна 20 коп.“

— „Ушинский, К. Родное слово для детей младшаго возраста. Годъ 2-й. Изд. 118-е. С.-Пб. 1907. Стр. 188+IV. Цѣна 35 коп.“

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— „Смирновъ, К. Курсъ педагогики. Часть 2-я. Методика учебныхъ предметовъ начальной школы. 3-е изд. К. И. Тихомирова. М. 1907. Стр. 159+IV. Цѣна 60 коп.“ (также въ качествѣ руководства для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ преподается методика учебныхъ предметовъ начальной школы).

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— „Алешинъ, Вл. Въ плѣну и на волѣ. Рассказы и сказки изъ жизни пернатыхъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1907. Стр. 93. Цѣна 1 руб.“

— „Богдановъ, М. Н. Изъ русской природы. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1907: 1) Три рассказа про птицъ. Стр. 31.—2) По гнѣзда, по яйца! Рассказъ. Стр. 24.—3) Соловей. Очеркъ. Стр. 24.—4) Синичка. О чемъ горевали птички. Два очерка. Стр. 32. Цѣна каждой книжки 10 коп.“

— „Бостромъ, А. Какъ Юра знакомится съ жизнью животныхъ. Рассказы о животныхъ и ихъ жизни. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. Стр. 139. Цѣна 75 коп.“

— „Фонъ-Горнъ, В. О. Бѣлоголовый. Рассказъ. Переводъ Г. А. Чарусского. Изд. В. Д. Губинского. С.-Пб. Стр. 92. Цѣна 30 коп.“

— „Зыковъ, А. Русская исторія. Изд. ред. журн. «Досугъ и дѣло». С.-Пб. 1907. Стр. 311. Цѣна 50 коп.“

— „Петрушка. Народный кукольный театръ. Изд. А. Д. Ступина. М. 1907. Стр. 29. Цѣна 10 коп.“

— „Поспѣловъ, С. Тысячу лѣтъ тому назадъ. Изд. ред. журн. «Юная Россія». (Библіот. для семьи и школы). М. 1907. Стр. 32. Цѣна 12 коп.“

— „Розинъ, Б. Физика для народа. Теплота въ восьми лекціяхъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Книга для современной школы). М. 1907. Стр. 126+II. Цѣна 50 коп.“ (для городскихъ и 2-хклассныхъ сельскихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „Юрьева, М. Изъ жизни одной дѣвочки. Рассказъ для дѣтей. Изд. 2-е. В. С. Спирионова. М. 1907. Стр. 58. Цѣна 30 коп.“

— „Юрьева, М. Около хорошихъ людей. Рассказъ для дѣтей. Изд. 2-е, В. С. Спирионова. М. 1906. Стр. 55. Цѣна 30 коп.“

2. Допустить условно слѣдующую книгу:

къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Оловяниниковъ, Н. Начатки естествознанія. 4-е изд. К. Тихомирова. М. 1907. Стр. IV+367. Цѣна 1 руб. 25 к.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

СПИСОКЪ КНИГЪ,

разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— „Волтикъ, М. Объ армії. С.-Пб. 1907. Стр. IV+128. Цѣна 20 коп.“

— „Потебня, А. А., и В. Я. Скробишевскій. Руководство по виноградарству. Изд. А. Ф. Деврена. (Учебники, составл. по порученію департамента земледѣлія). С.-Пб. 1906. Стр. 464. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „Розановъ, Н. Я. О венерическихъ болѣзняхъ и сифилисѣ. Издатель В. Бerezовскій. С.-Пб. 1907. Стр. 63. Цѣна 50 коп.“

— „Розинъ, Б. Физика для народа. Теплота въ восьми лекціяхъ. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. (Книга для современной школы). М. 1907 Стр. 126+II. Цѣна 50 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы издателемъ удалены были изъ книги вклѣенный между заглавнымъ листомъ и предисловіемъ рекламный листокъ подъ названіемъ „Книги для современной школы“).

— „Хавкина, Л. Б. Какъ люди научились строить жилища. (Библіотека «Другъ дѣтей». Подъ ред. Н. В. Тулупова). М. 1906. Стр. 167. Цѣна 20 коп.“

Воспоминанія изъ школьной жизни за 17 лѣтъ.

Имъя отъ роду 17 л., я въ 1885 г. поступилъ учительемъ—воспитателемъ въ земскую школу с. Терновки Павлоградскаго уѣзда. Эта школа была первымъ этапнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ моихъ перекочевокъ изъ села въ село, изъ уѣзда въ уѣздъ.

Смѣна учителей для данной школы не полезна вообще, но для учителя отъ перехода есть все-таки польза, такъ какъ переходы, путемъ сравненій, даютъ возможность скорѣе изучить крестьянскую жизнь въ большемъ масштабѣ, чѣмъ сидя въ одной школѣ. Даже своего рода поэзію ощущаешь въ томъ, что подъѣзжаешь къ незнакомому селу, да еще новаго уѣзда. Цѣлый рой мыслей кружится въ головѣ, но больше думаешь о томъ: каково-то зданіе школы? каковъ батюшка—законоучитель, народъ и т. п. Щедшъ съ чувствомъ искренняго желанія принести пользу и поставить себя такъ, чтобы считали тебя за учителя. Особенно идеальную настроенность переживалъ я въ первые годы учительства, когда испытывалъ что-то вродѣ призванія, можетъ быть потому, что была энергія молодая и избытокъ силъ. Въ послѣдствіи я пришелъ къ горькому разочарованію. Воображеніе рисовало мнѣ тогда такія перспективы, какія только въ сказкахъ мыслимы; фантазітъ толкала на сближеніе съ народомъ, до подражанія во всемъ: въ костюмѣ, пицѣ и даже въ обычаяхъ. Носилъ я красную кумачную рубаху мѣстнаго покроя, ъль грачен и лепешки и т. п. Говорилъ слова, которыхъ и самъ еще не усвоилъ;—словомъ хотѣлъ слиться, но дальше вѣнчанаго подражанія не попало. Не всегда за чистую монету прини-

малась поддѣлка. Прошло 3—4 года, пока я не втянулся въ деревенскую жизнь и не свыкся съ положенiemъ „культурнаго одивочки“. Постепенно началъ приходить къ выводу, что хорошимъ учителемъ можно быть и безъ поддѣлки къ „волкамъ“, т. е. не всегда нужно по волчьи выть, хотя живешь и между волками. Я зналъ еще до учительства, что учитель долженъ служить примѣромъ породочности, но не идти въ разрѣзъ съ традиціонными понятіями и всѣмъ укладомъ, выработаннымъ вѣками. Бороться противъ пьянства, лѣни и предразсудковъ учитель долженъ, но для этого у него мало или совсѣмъ нѣтъ средствъ, кромѣ одного радикального—гласить въ школѣ ученикамъ, что водка губить, лѣнь—мать всѣхъ пороковъ и т. п. Искоренять предразсудки очень трудно: ибо само духовенство поддерживало ихъ. И не удивительно: въ духовной Семинаріи естествознаніе не проходится, а извѣстно, что „недостатокъ естествознанія порождаетъ суевѣрія“ и предрасудки. Меня коробило отъ обѣисененія, почему зѣвающій долженъ осѣнять ротъ крестомъ; стоило чихнуть—значитъ признакъ правды на лицо, если идетъ разговоръ. Попросишь воды,—тебѣ съ водой отвѣшиваютъ и поклонъ. На меня все это производило впечатлѣніе китайскихъ этикетовъ. Вѣроятно и крестьяне были отъ меня не въ меньшемъ восхищены. Помню хорошо, какъ удивляло всякий разъ мужика то, что я за спичку говорилъ *спасибо* и вообще не былъ скучъ на это слово, которое считается крестьянами высшимъ проявленiemъ признательности.

Если, напр., крестьянинъ въ чемъ нуждался, то обращался ко мнѣ съ такими словами: Мы къ твоей милости, Гаврилъ Гавриличъ, на счетъ тые... ребенка... Такой монологъ могъ бы огорчить городского человѣка (украинца), т. е. дерзость „на тѣ“ и „мы“. Долгое время я не переваривалъ такой фамильярной терминологіи, но... потомъ ^ѣжился. Открытую борьбу противъ рѣжущей слухъ и оскорбляющей человѣческое достоинство рутины я началъ въ школѣ съ мальшами, гдѣ мнѣ никто не мѣшалъ. Но не такъ легко было бороться, какъ я думалъ. Въ школѣ, особенно 1-й годъ, я столкнулся съ такими явленіями, какія въ средней школѣ не извѣстны даже и по наслышкѣ, благодаря не тому, что составъ учителей городскихъ школъ выше, а просто отъ того, что городъ и село 2 полюса сѣверный и южный. То, что

считается въ селѣ (въ средѣ даже взрослыхъ) въ порялкѣ вещей, въ городѣ иорицается. Но я твердо рѣшилъ вести образованіе и воспитаніе Ванекъ, Афонекъ, Дашекъ, Акулекъ „развернутымъ строемъ“.

Помню, что на первыхъ порахъ возбуждалъ даже взрывъ хохота тотъ ми, то другими требованіями и реформами. Прежде всего, по новости, я завелъ платки, которые и у взрослыхъ не приняты въ обиходѣ; запретилъ плевать и сморкаться на поль и т. п.

Прошло 10 лѣтъ врозябанія въ 5—6 школахъ Б—скаго и П—го уѣздовъ. На темномъ фонѣ „старой школы“ начали показываться другіе свѣтлыни, обновленные появленіемъ сѣтлыхъ лучей въ лицѣ новыхъ, болѣе современныхъ, инспекторовъ, новыхъ реформъ, повысилась программа и инициативъ учителя открылся болѣе широкій просторъ.

Съ 1885 г. вырисовалось ясно два типа народной школы—земская и церковноприходская (въранѣе вторая, а первая уже была). Симпатіи народа тогда (да и теперь) лежали на сторонѣ первой, хотя духовенство превозносило новоявленныя школы до седьмыхъ облаковъ и заманивало въ нихъ путемъ рекламъ и несбыточныхъ обѣщаній.

Но не приглядное материальное положеніе тогдашнее (120—180 р.) побудило меня поступить въ церковно-приходскую школу, дабы добиться сана діакона и лучшаго оклада и будущности. Служба въ школѣ оказалась мнѣ настолько не подъ силу, что я отказался отъ предпріятія и поступилъ вновь въ земскую школу. Нѣ буду пристрастечъ, если скажу откровенно, что церковно-приходскія школы не учатъ, а калѣчать дѣтей, ибо подъ видомъ привитія дѣтямъ „религіозно-нравственныхъ началъ“ приготовляютъ изъ нихъ какихъ-то попугаевъ. Какое воспитаніе получать дѣти, когда ихъ учитель—этотъ не погрѣшимый авторитетъ въ ихъ глазахъ—часто стоитъ на вытяжку, „уставясь въ землю лбомъ!“ Хорошій учитель, хорошая школа не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ, за рѣдкими исключеніями, такъ какъ слово „хорошій“ берется въ соотвѣтствіи умѣнья угодить батюшкѣ и матушкѣ, дѣячу и дѣячихъ... На сколько учитель сумѣетъ угодить причту, на столько онъ можетъ бытьувѣренъ въ благопріятномъ исходѣ при ревизіи Наблюдателя, если бы дѣло стояло даже на точкѣ замерзанія.

Словомъ пословицы „Рука руку моетъ“ и „Скачи, враже, якъ панъ скаже“ вполнѣ отражаютъ характеръ ц.—пр. школъ, дни или мѣсяцы которыхъ сочтены, кажется. Эти школы служатъ только этапомъ для достижения діаконства или священства, смотря по тому каковъ учитель, даютъ возможность О.о. завѣдующимъ пристроить своихъ дочерей впередь до появленія „богослововъ“ и т. п., но прымого своего назначенія, за рѣдкими исключеніями, не выполняютъ.

Крестьне, монахи, „второклассники“, солдаты, прохожіе, „герои“, убоявшіеся семинарской премудрости,—вотъ главный контингентъ учителей, несущій на своихъ плечахъ образованіе злосчастной части народа. „Епархіалки“ и другія лица „съ правами“, діакона, составляютъ меньшинство.

Чѣмъ хуже учитель (по умѣнью учить), тѣмъ лучше выходитъ школа, если только „учитель“—недоучка стушуется аки рабъ и хорошо знакомъ съ инструкціей чинопочитанія.

А какова дисциплина въ школахъ грамоты и церковнонприходскихъ! Только въ тѣхъ школахъ, гдѣ священникъ человѣкъ гуманный, не царствуетъ произволъ: тумаки, щелчки, отборная брань, „на колѣни“ и „безъ обѣда“... Завѣдующіе, въ большинствѣ, какъ мнѣ известно, даже поощряютъ кулакъ и др. реальная мѣры, и особенно настаиваютъ на этомъ, когда ожидаютъ наблюдателя, или передъ экзаменомъ. Пришлось мнѣ спросить одного ученика: «Отчего это у тебя, Кирилъ, пятно голое на головѣ, величиною съ пятачъ?».

Отвѣтъ: „це вырвалы псаломщикъ, щобъ уроки лучше вчывѣ“. А мало-ли такихъ жертвъ сокрыто во мракѣ неизвѣстности! Если бы вести списокъ жертвъ, то получилась бы любопытная схема, по которой можно было бы прослѣдить психологію г.г. „учителей“ и оо. завѣдующихъ. Но каста духовныхъ до того замкнута и такъ тоцко работаетъ, что если бы даже и ребро кто вышибъ, то и тогда отцу жертвы не добиться до правды. Въ земскихъ школахъ, гдѣ учителя на высотѣ своего дѣла почти все, дѣло воспитанія поставлено лучше, но не могу умолчать, что и земская школа съ трехлѣтнимъ курсомъ не даетъ того, что нужно для современной культурной жизни. Впрочемъ она даетъ главное—хорошіе задатки и элементарная прочная свѣдѣнія по русскому языку, ариѳметикѣ, родиновѣдѣнію и отечествовѣдѣнію, а также сообщаетъ лоскъ: вѣжливость, (часто игнори-

руемую въ крестьянскомъ быту), смѣтливость и т. п. и толчекъ къ самообразованію; затѣмъ окончившіе школу цѣняются и хозяевами—нанимателями лучше, чѣмъ неграмотные. Значительная доля результатовъ школы сглаживается съ годами, такъ что къ 16—17 годамъ бывшій ученикъ превращается въ эти въ первобытное состояніе, если не береть ни шера, ни книги въ руки года 4.

Оканчиваются школу лѣтъ 12—13. Къ 16 годамъ складывается міровоззрѣніе и характеръ. Я поставилъ за правило по этому всячески побуждать своихъ окончившихъ не порывать связи со школой, а для этого я приглашалъ на повторительный годъ, выдавалъ книги, журналы и проч.

Были случаи, что даже снятіе шапки забывалось черезъ годъ, особенно, когда окончившій попадалъ въ штатъ писарей, гдѣ задоръ считался ухорствомъ и т. п. Если бы ученики сидѣли до 15—16 лѣтнаго возраста въ школѣ, то школа уже положила бы прочную печать познаній. Блистательно окончившій курсъ къ призыву не прочтетъ даже и письма, попечатному еле читаетъ, а обѣ ариѳметикѣ только смутныя понятія бродятъ въ головѣ. Бываетъ, что попадаетъ на службу малограмотнымъ и неучившимся въ школѣ, а со службы приходитъ уже „вумнымъ“, такъ что и въ писаря поступаетъ. Это сбиваетъ съ толку наивныхъ сельчанъ, которые почеркъ считаютъ верхомъ учебы. Какъ ни наивенъ такой взглядъ крестьянъ на просвѣщеніе, но съ нимъ нужно считаться. А чтобы скорѣе началось пробужденіе, необходимо побольше книгъ, чтеній народныхъ, и продлить курсъ сельскихъ школъ до 5 лѣтъ. Есть села, гдѣ поголовно ничего не читаютъ и не сознаютъ еще необходимости читать.

Учителъ Гавриилъ Молчановъ.

Пожарный Θедоръ.

Подъ такимъ заглавиемъ записано у меня нѣсколько впечатлѣній отъ той деревни, въ которой я два года учительствовалъ.

Осенью, 13 сеятября 1902 года, пріѣхалъ я на новое мѣсто учительства, въ деревню Бестужевку Самарскаго уѣзда.

Зданіе училища еще только начали рубить: вывели до оконъ. Я сталъ на квартиру къ мужику, изба котораго была пуста (онъ жилъ въ Сызрани) за 3 руб. въ мѣсяцъ. Первое скверное впечатлѣніе на новомъ мѣстѣ получилось, какъ обычно бываетъ, отъ недостатка топлива. Недаромъ эта подробность школьнай жизни увѣковѣчена въ пьесѣ «На порогѣ къ дѣлу»; это, дѣйствительно, самое болыное мѣсто захолустныхъ школъ... Хату-квартиру надо топить, а дровъ липь одинъ возъ... Цены съ постройки всѣ до-тла растаскивались деревенскими бабами и дѣвками, съ которыхъ плотники за это брали арбузы и дыни...

Противъ школы былъ лабазикъ съ навѣсомъ. Подъ навѣсомъ стояла кляченка, а въ лабазѣ сидѣлъ человѣкъ, котораго всѣ звали Θедоромъ... Это былъ «пожарный обозъ»... Я подошелъ къ пожарному Оедору поговорить, не найметсяли онъ собирать щепы за рубль въ мѣсяцъ. Онъ закачалъ головой, замычалъ и паотрѣзъ отказался отъ предлагаемаго дѣла: «они убываютъ, развѣ съ ними дратъся да маяться? Народъ вольница!» Отъ его словъ, отъ тона рѣчи и отъ всей его фигуры повѣяло на меня такою удручающей тоскою, что я до сихъ поръ не могу забыть полученнаго впечатлѣнія...

Федоръ былъ русскій, но напоминалъ чувахпенина. Глаза его еле глядѣли, постоянно слезились и гноились. Борода состояла изъ щепотки волосъ на самомъ нижнемъ мысу подбородка; усовъ почти не было... Волосы на головѣ были длинные, но очень рѣдкіе, какіе-то землистаго цвѣта. Ему было 43 года, но казалось—подъ шестьдесятъ. Отъ всего его облика съ губами, которыя уже «предались землѣ», вѣяло смертью.

Этотъ деревенскій пожарный казался мнѣ остаткомъ какого-то стариннаго порядка. Въ тѣхъ селахъ, гдѣ я служилъ раньше, было не такъ. Федоръ въ роли пожарного меня удивилъ. Но физическімъ силамъ и здоровью, а потому и по виѣшнему впечатлѣнію, гармонировала съ хозяиномъ и его тощая кляченка.

Какъ-то разъ Федоръ разговарилъ со мною и сообщилъ, что онъ изъ подъ Промзина, въ которое народъ ходить молиться Святителю Николаю Чудотворцу. Тамъ у него съ братомъ четыре десятины земли—отцовская «полдуша». Онъ самъ—шесть пріѣхалъ изъ-за Волги по послѣднему пути предъ весною... Въ Обшаровской больницѣ умерла его жена. Онъ остался съ мальчикомъ 14 л., дѣвочкой 13 л. и еще двумя дѣвочками по четыре года: одна изъ нихъ родная дочь, а другая—приведенная: онъ вдовцомъ женился на вдовѣ... Послѣ я узналъ, что богатые хуторяне просили у него въ приемыши обѣихъ маленькихъ дѣвочекъ, по онъ отвѣчалъ: «не отдамъ, я ихъ люблю, какъ ипбудь прокормлю... Пусть растутъ при мнѣ: Вѣрка похожа на свою мать, а Марька на мою первую жену» (отъ второй жены дѣти у него умирали нѣсколькихъ недѣль)...

Федоръ оставилъ старшаго мальчика въ подпаскахъ въ Обшаровкѣ, а съ остальными пріѣхалъ въ Бестужевку кормиться Христовымъ именемъ. Бестужевцы наняли его съ лошадью за 30 руб. къ пожарному сараю, обѣщались для лошади давать соломы... Тутъ онъ и сидѣлъ до Покрова: самъ почевалъ всегда въ сараѣ, а дѣтишки только пока тепло, а потомъ, когда старшая дѣвочка простудилась, заболѣла «лихоманкой», онъ размѣстилъ семью въ двухъ сосѣднихъ избахъ, куда перебрался послѣ Покрова и самъ. Я жилъ у третьяго отъ сарая мужика и часто видѣлъ хозяевъ тѣхъ избъ, въ которыхъ размѣстился съ семьею Федоръ. Они рассказали мнѣ много любопытнаго...

Изъ встрѣчъ моихъ и разговоровъ съ Федоромъ я составилъ представлениѳ о немъ какъ о человѣкѣ отжившемъ, у котораго атрофировались всѣ душевныя и почти всѣ физическія силы и способности, который испытываетъ страхъ передъ каждымъ смѣлымъ словомъ и жестомъ. Оказалось, что въ моемъ Федорѣ есть глубокая привязанность къ дѣвочкамъ, которыхъ онъ низачто не хотѣлъ отдать на воспитаніе богатымъ хуторянамъ, несмотря на свою дряхлость, хилость, сиротство и бѣдность; онъ ему напоминали любимыхъ подругъ жизни, зарытыхъ преждевременно въ могилу, не вынесшихъ муки бѣдности и оставившихъ его одного на скорбномъ пути вдвойнѣ испытывать всѣ бѣдствія тяжелой жизни... Рядомъ съ этою симпатичною чертою я узналъ о многихъ отрицательныхъ... Онъ тютюномъ выживалъ изъ избы хозяевъ, никогда не крестился, не молился и слова не говорилъ безъ безобразной мужицкой брапи.

«Вотъ какой этотъ Федоръ, ужь и не рады мы, что его пустили,» жаловалась намъ хозяйская дѣвочка: «тятя думалъ, что онъ съ насъ хستъ не возьметъ 20 к. съ дыма (плата за сидѣніе у околицы), а онъ присталъ: «вынь да выложь!..» Ничего намъ за квартиру не платить, а самъ съ своей Алимпіадкой всю печку заняль... У насъ въ избѣ-то холодно... Бывало мы съ тятей спали на печи, а теперь намъ негдѣ».

— Вы бы ихъ попросили спать на полатяхъ,—посовѣтовалъ я.

— Мы давно разобрали, ларь для муки сдѣлали. Только и надѣялись на печку... а они хитры... Мы ужинаемъ каждый день, а у нихъ, знаешь, ужинать-то нечего... Мы сядемъ ужинать, а они тѣмъ часомъ и захватятъ печку-то, взять туда хлѣба да воды.. Каждый день этакъ-то...»

Я дивился этой возможности Федора захватывать печку... Прошло нѣсколько дней.. Та-же дѣвочка принесла намъ воды съ рѣки и какъ бы начала продолжать повѣсть о квартирантѣ: «Дуракъ что-ли этотъ Федоръ?! То Ѣли они одну картошку, а вчера принесъ полфунта постнаго масла, накрошилъ мягкаго хлѣба, палилъ воды и вылилъ въ тюрю все масло... Ребятишки не стали Ѣсть, а самъ онъ половину съѣлъ вчера, а другую доѣлъ сегодня. Варить бы похлебку съ масломъ, на ледѣлю бы достало»...

Наступила зима. Всюду бѣло. Волга стала... Пошли пѣшеходы, скоро поѣдутъ обозы... Федоръ съѣздилъ въ Обшан-

ровку за санями. Сталъ собираться уѣзжать.. Онъ купилъ десять пудовъ ржаной муки и стала кормить свою клячу... Мѣсить ей по пѣскольку разъ въ сутки... Деньги съ деревни онъ собралъ всѣ и должно быть рѣшилъ подкѣпить и себя съ ребятишками. Дня за три до отъѣзда Федора хозяйствская дѣвченка сидѣла у насъ на крылечкѣ и съ соболѣзнованіемъ передавала: нынче дядя Федоръ Алимпіадку до полусмерти избилъ, зажаль ея голову въ колѣни и лупилъ-лупилъ...—Что же она сдѣлала?—«Да смѣшино и разсказать!.. Онъ купилъ у старостинъ овечій гусекъ и отдалъ мамѣ сварить весь сразу... Когда пошелъ самъ на деревню деньги собирать, то Алимпіадкѣ сказалъ: «уварится, ѿште все, только мнѣ печенку оставьте»...

Мы и не видали, когда онѣ ъли: я въ училищѣ была, тятя на хутора ходилъ, а мама у Леоновыхъ бѣлье стирала. Вечеромъ Федоръ пришелъ, сѣлъ за столъ и велѣлъ Алимпіадкѣ подать ужинъ. Алимпіадка подала горшечкъ съ остаткомъ «гуська» на столъ... Федоръ досталъ ложкой кусокъ гуська ишибко заоралъ: «Рази это печенка? Дура! это легка.» Онъ схватилъ веревку и началъ Алимпіадку бить и приговаривать: «Дура! Дура! Не знаешь печенку! Не знаешь легку! Вотъ тебѣ печенка, вотъ тебѣ легка!» Насилу тятя съ мамой отняли. Онъ злой Федоръ-то и такъ, а тутъ еще голодный пришелъ.. Алимпіадка цѣлую ночь плакала. Да она, видно, прад-а дура: не знаетъ печенку.. Аль у нихъ своихъ гуськовъ-то никогда не было. У насъ вотъ каждый годъ колютъ три—четыре овцы»...

Передъ отъѣздомъ Федоръ ходилъ по селу, прощался и собиралъ лохмотья, чтобы кутаться самому и дѣвочкамъ. У него, впрочемъ, былъ полуушубокъ, а у дѣвченокъ, какъ говорили, не было шубного лоскута. Валенокъ было только двое: у самого и у Алимпіадки; настушенокъ и двѣ дѣвченки поѣхали въ чулкахъ... Бабы плакали, провожая это несчастное семейство. Я шелъ изъ школы, когда Федоръ ѿхалъ «на Гѣраки»; онъ сошелъ съ саней и простился со мною за руку, благодарилъ за то, что я ему часто давалъ хинныхъ порошковъ отъ лихоманки. Я посмотрѣлъ имъ въ слѣдъ и подумалъ: «Доѣдутъ-ли они благополучно до роднаго села подъ Промзинимъ, куда ходятъ къ св. Николаю Чудотворцу, или дорогою падеть лошаденка и бѣдияки хитростью заберутся на

тужую печку въ чужой деревнѣ... Что встрѣтять они въ родномъ селѣ? Сначала слезы сосѣдокъ объ умершѣй на чужой сторонѣ Палагеѣ, а потомъ та-же нужда, которая погнала Федора на наппъ бокъ Волги кормиться съ пятью ребятами и больною женою» ..

Сколько такихъ, какъ Федоръ, ищетъ насущнаго хлѣба, перебѣжая съ одного берега Волги на другой, изъ внутренникъ губерній за Ураль и обратно... Будеть-ли этому конецъ и какой? Гдѣ они найдутъ себѣ покой? Неужели только въ могилѣ?..

Усининъ.

Настроение.

(Изъ старой тетради)

Ученье, школа — святое дѣло,
Но много надо терпѣнья, силъ...
Душа больная, больное тѣло;
Измѣркъ огонь мой и пыль остылъ...

«Плохой работникъ, плохой учитель...
«Я это знаю, что дѣлать мнѣ.
«Простите, дѣти, я вашъ мучитель»,
Вотъ что я мыслю тамъ въ глубинѣ...

О, Боже правый! Воспиряньуть духомъ
Ты помоги мнѣ и силы дай!..
Я всей душою хочу быть другомъ
Тебѣ, родимый мой темный край!..

H. C.

. . . И такъ шла жизнь. . .

Постниковскій учитель не очень жаловалъ мѣстную интеллигентную компанію и отнисился къ ней пренебрежительно. Такое отношеніе, конечно, злило особенно прекрасную половину мѣстного человѣчества. Самъ же Иванъ Ивановичъ (такъ звали учителя) водился все время съ мужиками. Тѣ въ свою очередь скоро поняли учителя и стали считать его своимъ человѣкомъ. Жизнь наладилась просто и текла безъ всякихъ конфликтовъ и недоразумѣній. Однако одиночество ильно сказывалось особенно въ длиные зимніе вечера... Иванъ Ивановичъ въ дни такой „мерехлюндіи“ бродилъ, бродилъ до одури, въ своей неуютной холостяцкой квартирѣ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько воть въ этой самой избѣ, на скорую руку приспособленной для учительской квартиры, было пережито мертвящей, ядовитой скуки. Сколько мелкаго горя и мелкихъ радостей! А все въ свое время казалось такъ важно, такъ серьезно—на полчаса; а то и болѣе... Картины прошлаго начинаютъ отчетливо и вполнѣ стройно вырисовываться изъ путаницы мыслей.

Все и чистое и грязное съ неумолимой жестокостью встаетъ передъ умственнымъ взоромъ. Здѣсь пережиты самыя чистыя, свѣтлыя думы и хорошия порывы рождались здѣсь же. Все шло на соизданіе идеала, который гдѣ-то далеко, но все же свѣтилъ Ивану Ивановичу среди мрака обывательщины. Но была и грязь! Вотъ этотъ уголъ, грязный! Иванъ Ивановичъ брезгливо поморщился при представлениі источника этой „грязи“—солдатки Анютки. Но тотчасъ поймѣть себя на этой гримасѣ и мысленно выругался. А образъ

Анютки точно живой стоялъ въ воображеніи. Ея тупое животное лицо чувственno красиво. Грязный уголъ—любимое мѣсто Анютки и отсюда она глядѣла своими плотоядными глазами. Здѣсь она улыбалась пунцовыми чувственными губами, раздражая своимъ видомъ животныя страсти. При одномъ воспоминаніи становилось почему-то жутко, гадко, противно...

Въ самый разгаръ воображенія чѣмъ-то холоднымъ вдругъ вползъ вопросъ: Чѣмъ же она-то виновата? Да, чѣмъ?

Въ свое время надъ гадливостью брала верхъ молодая натура и красота Анютки. А теперь гадливость чувствуется почему-то и къ ихъ отношеніямъ и къ самой Анюткѣ. Познакомились они совершенно случайно, хотя съ определенными намѣреніями, черезъ сводницу бабу. Эта отлично сознавала, что молодой жгучей вдовѣ не прожить безъ мужчины, а учителю нужна баба. Въ результатѣ такихъ соображеній получилась связь: Анютка добросовѣстно и даже любовно посѣщала учительскую квартиру. Все было такъ просто, такъ естественно. Правда, Ивану Ивановичу подобные визиты сначала казались дикими и преступны; было не то больно, не то стыдно послѣ нихъ. Ну, а потомъ.., потомъ привыкъ. Сталъ считать ихъ безразличными и даже необходимыми. Въ порывахъ юношескаго благородства онъ предлагалъ было Анюткѣ пойти къ нему въ кухарки, но та забила, что называется, и руками и ногами, и на отрѣзъ отказалась отъ предложенія. „Ну, зачѣмъ я пойду? говорила она. Намъ и безъ того хорошо. Живу я себѣ вольной пташечкой въ своей избѣ. Никто-то мнѣ ни въ чемъ не указъ. Вздумай къ тебѣ прийти—приду; не вздумай— силой никто не потащитъ“. При этихъ словахъ Анютка быстро вскочила со стула и точно змѣя страстно обвила своимъ гибкимъ тѣломъ учителя и замерла.. Со временемъ сношенія ихъ становились само собой чипце, человѣчнѣе, не столь животными... Когда прошелъ первый угаръ, бѣшенство первыхъ оргий, учитель вполнѣ согласился съ доводами красивой бабы и оцѣнилъ крестьянскую дальновидность. „Что, въ самомъ дѣлѣ, заговорили бы деревенскія кумушки, разсуждалъ онъ, еслибы у меня появилась молодая кухарка. Да и сами господа интеллигенты стоять своихъ супругъ. Нѣтъ, должно быть не судьба! Ужъ коли ты холостой, то и пользуйся кулинарнымъ искусствомъ школьн-

наго сторожа. Причёмъ предоставляется широкое право пользованія своими собственными талантами⁴.

— Иванъ Ивановичъ, пожалуйте,—прервавъ размышленія учителя вошедшій ямщикъ. Лошадь готова!

— А? готова? очнулся тотъ. Сейчасъ! Иванъ Ивановичъ быстро началъ одѣваться. Во дни поганаго настроенія онъ Ѵадилъ „пожить“ въ село къ учителю, съ которымъ однимъ только и водилъ компанію. Тутъ было можно покричать, поспорить, поговорить, погорячиться и «задать взбучку организму». Для прочей интеллигентной публики подобныхъ глупостей не существовало. Она любила покушать, выпить и посплетничать. Читала только „Свѣтъ“ и „Родину“, такъ что умственный багажъ былъ не громоздкій. Сплетничать было легко, возможно и занятно...

На первыхъ же порахъ молодой учитель далъ оцѣнку этому обществу и къ сожалѣнію ему не пришлое измѣнить своего взгляда.

— Судите сами, говорилъ онъ сельскому учителю, по привычкѣ расхаживая по комнатѣ. Что съ ними дѣлать, о чёмъ говорить? Перемывать косточки и пить... И это зовутъ дружеской компаніей, интеллигентнымъ общеніемъ... Тьфу!.. Не люблю... Съ мужикомъ я чувствую себя и просто и свободно. Самъ сознаю и мужикъ знаетъ, что я ему человѣкъ свой, человѣкъ нужный, полезный, часто необходимый... А здѣсь что? Ужъ не умничать ли мнѣ прикажете, какъ Селезневская учительница? Охъ, язва! Терпѣть не могу умничающихъ дѣвицъ. Вѣдь пустельга пустельгой, а прикрывается на прокатъ взятыми хлесткими фразами и прослыла здѣсь за умницу, да еще какую! Вы только послушайте, какъ ее выхваливаетъ наша попадья,—просто оторопь беретъ. Она и дѣлу служить великому и святому, она ведеть и вародъ изъ невѣжества, рабства и тьмы... Однимъ словомъ, жрица самого высокаго культа... А, заглянешь за эти самыя фразочки, такъ и спѣшишь: тамъ лежать, сморшившись: мечты о замужествѣ, скудоуміе, себѧлюбіе—и прочая гадость...

— Однако—удивленно пожималъ плечами хозяинъ. Несовѣтовалъ бы я никому попадаться къ вамъ на языкъ. Откуда это вы только взяли, что всѣ „умничающія“ дѣвицы думаютъ о замужествѣ.

— Законъ природы,—отрѣзалъ Иванъ Ивановичъ и пошелъ дальше. Всѣ, всѣ, положительно всѣ,—рубилъ онъ, въ

тайникахъ, тамъ гдѣ-то на днѣ своихъ душонокъ, мечтають о замужествѣ. А у нашихъ-то еще нужда въ вѣрномъ кускѣ хлѣба. Это прямой развратъ! Продажа своего холенаго об разованнаго тѣла за кусокъ хлѣба не случайный и заработанный, а даровой, вѣрный, и пожалуй, сладкій кусокъ. Все искусство сводится къ тому: взять ли кусокъ полакомѣй, или попроще. Вы возьмите эту самую Ольгу-то Александровну. Между нами будь сказано, вѣдь она кусокъ маса, не смотря на всѣ цвѣтистыя фразы. Но она, я даже почему-тоувѣренъ, такого туману напустить на голову какого-нибудь семинариста, особенно изъ „идейныхъ“, что тотъ возьметъ да на ней и женится. И будетъ наша Ольга Александровна сытой попадѣй. Будетъ также сыпать умными фразами, но уже съ совершенно другимъ смакомъ и выраженіемъ... Извѣстно;— поцовскій-то хлѣбъ и питательнѣй и повкуснѣй учитель скаго...

Иванъ Ивановичъ взволнованно сѣлъ и замолчалъ. Наступила жуткая пауза.

Эта пауза часто и послѣ вспоминалась ему. Не обстановка, не слова, не горечь рѣчи, а почему-то одна вотъ эта пауза,—жгучая, острая, ядовитая...

— Тихій ангелъ пролетѣлъ, задумчиво проговорила Людмила Васильевна, жена сельскаго учителя.

— Земскій начальникъ родился, шутливо возразилъ ей Иванъ Ивановичъ и опять замолчалъ.

— А знаете, что меня болѣе всего злитъ,—заговорилъ онъ снова.

— Чего тутъ „болѣе“? вѣсъ все злить, отозвался хозяинъ. Эхъ! молодость, молодость! Свѣжая, честная, нетронутая молодость! А мы вотъ поустарѣли, поопустились, опошлились. И мы были чище, хоть и не такъ какъ вы, а бывали. Все куда-то ушло, все пропало безслѣдно,—горько закончили онъ и опустилъ голову, точно стыдно глядѣть на божій свѣтъ.

— Да, пошлости много, тономъ ментора согласился Иванъ Ивановичъ. Пошлость и топорищенье... Ужели и меня засосетъ и утянетъ навѣки въ это болото?

— Уломаетъ, друже, уломаетъ, безнадежно подтвердилъ болѣе опытный и поживій учитель и ядовито усмѣхнулся. Меня, впрочемъ и самого отъ нѣкоторыхъ штукъ коробить

пока. Есть вонъ у нашего фельдшера семейка. Слова никто не скажеть спроста. Все съ хитрецой, все съ подвохомъ. Лучше ен говорить, неожиданно оборваль онъ. О людяхъ говоримъ, что сплетничаютъ, а сами что?

— Конечно не стоить говорить, вмѣшалась Людмила Васильевна. У фельдшера дочь невѣста. Можетъ еще Иванъ-отъ Ивановичъ поженится,—тогда что? улыбаясь закончила она...

— Ой, ой, ой, засвисталъ гость. Не дождется—не бойтесь... А семейка все-таки подозрительна... Всѣ почему-то у нихъ замѣчательны. Мужъ замѣчательный медикъ, жена замѣчательно умная дама, дочка красавица и замѣчательно поетъ сладенькие романсы. Даже Колюшка и тотъ чѣмъ-то замѣчательевъ—право ужъ не упомню. Бездарно, тупо, но самодовольно.

— Чѣмъ же они виноваты, Иванъ Ивановичъ, попробовалъ было защитить хозяинъ. И смѣшино и обидно, но въ общежитіи приходится считаться и не съ такими выродками...

— Какъ, „кто виноватъ?“ Да сами, всколыхнулся тотъ. Ужъ коли считаются они себя образованными людьми, то и требование къ нимъ должны быть повышенныя. Ужели можно мириться съ этимъ коровьимъ самодовольствомъ? Ужели взрослая дѣвица не можетъ найти ничего лучшаго, какъ скучить съ поганые романсы подъ аккомпанементъ самого первого бытнаго кокетства? Право, вчужѣ стыдно... Вы посмотрите, какъ вся семья на себя молится! Вы на это обратите внимание! Вѣдь самые недоступные аристократы. Какъ они смотрятъ на сѣраго, цвѣтесанного мужика, а сами?.. (Иванъ Ивановичъ не договорилъ и не лѣпо развелъ руками). Э... да что тутъ! Запѣла мнѣ при первомъ знакомствѣ дѣвица свои сладенькие романски и до того сконфузила, что я, ей богу, не знаю, какъ не провалился сквозь землю...

При послѣднихъ словахъ рассказчикъ сдѣлалъ такую вытянутую физіономію, что публика, слушавшая, быть можетъ, только изъ приличія, расхохоталась самымъ непринужденнымъ образомъ. Засмѣялся и самъ Савонарола.

— Запѣла она мнѣ что-то такое, продолжалъ онъ,— какъ онъ ее не любить и ей черезъ это „пришилость“ одной, одной страдать. Такъ вѣдь и ляпнула „пришилость“. Ахъ, чертъ ее возьми! кукла она кисельная!..

— Не можетъ быть,—усмнился было хозяинъ.

— Вѣрьте, вѣрьте, запротестовалъ гость. Честное слово, правда! Да это еще что! Слушайте дальше.

— Да будетъ вамъ,—стонущимъ смѣхомъ вмѣшалась Людмила Васильевна. Виши пересмѣшникъ какой...

Иванъ Ивановичъ отмахнулся точно отъ мухи и продолжалъ:

— Слыхала эта самая Ниночка, что слова *налично* и *скучно* нужно бы такъ и выговаривать образованному человѣку, а не лупить ихъ по мужицки: *скучно*, *налично*. Она взяла да и растянула это правило своимъ собственнымъ творчествомъ. Ну и запѣла все мнѣ же несчастному мученику-слушателю... „Всѣ гости *раскочно* одѣты,—на лицахъ ихъ радость была“... Ну, представьте мое положеніе! Это ужасъ, что такое,—(Иванъ Ивановичъ быстро вскочилъ и сталъ бѣгать по комнатѣ).—Меня прямо таки въ потъ ударило, и радѣй бы я радешенекъ провалиться въ самую что ни есть преподнью. А тутъ еще на зло простоватый отецъ ляпнулъ: „Ну, говорятъ, Ниночка, ты ужь тово... на два вершка сверхъ моды хватила“... Картинка... Шѣвица, понятно, смѣшалась, я горю со стыда за себя, а супруга обдала благовѣрнаго такимъ взглядомъ, что у бѣднаго, я думаю, не морозъ, а цѣлый Ледовитый океанъ по кожѣ прокатился... Одна фраза произвела вполнѣ разгромъ и въ квартирѣ воцарилось то тяжелое молчаніе, которое бываетъ всегда чревато слѣдствіями. Я, чтобы какъ-нибудь разрядить атмосферу и очистить горизонтъ, началъ пороть какую-то чушь и скоро заставилъ всѣхъ смѣяться и, хоть видимо, забыть непріятное положеніе. И попала же неосторожному папашѣ, надо полагать, головомойка, закончила Иванъ Ивановичъ.

— И слѣдуетъ, добавила учительша: не конфузъ лѣвицу передъ женихомъ. Еще отецъ называется.. Не сунуло бы его—такъ бы все и проѣхало. Никто бы ничего не замѣтилъ.

— Пожалуй,—согласился гость.

— Али растаялъ?—насмѣшливо спросилъ хозяинъ.

Однако какъ ви чурался Иванъ Ивановичъ въ душѣ интеллигентціи сельской, наружно онъ неукоснительно присутствовалъ на всѣхъ парадныхъ обѣдахъ. Дамочки въ такихъ случаяхъ всѣми мѣрами старались поизвѣти на счетъ моло-

дого учителя. „Что давно не видать Васъ, Иванъ Ивановичъ?“ спрашивалъ кто-нибудь.

— Что ему къ намъ ўздить, ехидно вставляла фельдшерка по праву самой остроумной изъ Евъ захолустья. У него и дома хорошо: чего хочешь,—того и просиши.

И прекрасная половина человѣчества очень двусмысленно перемигивалась, и хихикала, не стыдясь взрослыхъ дочерей. Впрочемъ у этихъ послѣднихъ на лицѣ были написаны все добродѣтели, кроме одной—способности мыслить, какъ мѣтко этотъ типъ очертилъ покойный Чеховъ.

Иванъ Ивановичъ полуушутя, полусеръезно отвѣчалъ на нападки со всѣхъ сторонъ, пока мужчины не увлекали его въ свою компанію.

Удивительное дѣло! Его никогда эти нападки не злили. „Очень ужъ жизни-то пуста, оправдывалъ даже онъ женщины. Чѣмъ имъ болѣе интересоваться? Ну что-жъ? Пусть почешиутъ языки, коли это имъ нравится. Мне не больно и не обидно.. Пустота и рождаетъ пустоту.“

У фельдшера приводилось ему бывать и не въ урочное время за медикаментами для ребятъ. Въ такихъ случаяхъ его изъ аптеки обязательно тащили въ фельдшерскую квартиру и тутъ приходилось поневолѣ просиживать мучительно долгіе часы... „Chacunе ищетъ, своего chacunъ“,—мелькало тогда въ головѣ Ивана Ивановича и онъ покорно выполнялъ все, что требуется деревенскимъ этикетомъ отъ молодого человѣка. Нина Семеновна, дочь фельдшера, всѣми мѣрами старалась заинтересовать собой нелюдима и привлечь къ своимъ ногамъ, какъ выражаются герои и герони ея библіотеки. Кромѣ того, она питала и тайную надежду на замужество, потому, что каждая девица обязана выйти замужъ, по ей убѣждѣніямъ.

Мамаша всецѣло раздѣляла взгляды дочки, взращенные ея любвеобильнымъ родительскимъ сердцемъ, и поведеніе Постниковскаго учителя объясняла исключительно отсутствиемъ симпатичныхъ ему девицъ. Развѣ мыслимо, разсуждала она, устоять молодому мужчинѣ передъ чарами молодой девушки, но обязательно资料 of its own круга.

Эта умная во всѣхъ отношеніяхъ дама всю людскую породу дѣлила на два лагеря. Къ первому причисляла себя и всю интеллигентію, ко второму—мужика.

О мужикѣ она никогда не говорила и не хотѣла говорить. Онъ для нея былъ рабочій скотъ, достающій своей животной силой хлѣбъ, подати и прочее во благо якобы мыслящихъ классовъ. Откуда все сіе—прямо не постижимо! Дворянкой она не была, крѣпостныхъ не имѣла и въ ключницахъ отъ рода нигдѣ не состояла... О любви тоже имѣла самое животное мнѣніе. Этимъ святымъ именемъ называла чувственныи трепетъ и чисто скотеское влеченіе самца къ самкѣ. Она казалась самой себѣ столь непогрѣшимой, что дочь и всю семью держала въ обаяніи своего авторитета. Горѣ дерзнувшему свергнуть этотъ авторитетъ во имя чего бы то ни было. Пустила же она бояковать родного сына подростка за то единственно, что тотъ *не уважалъ маму...* Подобная-то, съ позволеніемъ сказать, мать своихъ дѣтей и взялась устроить матримоніальныи дѣла Ивана Ивановича. И не только взялась, даже держала пари въ интимной бесѣдѣ съ попадьей, что женить По никовскаго учителя и не на комъ иномъ, какъ на своей Ниночкѣ...

Коли женщина захочеть,—то поставитъ на своеимъ. Прежде всего рѣшено было позондировать почву въ дѣвичьихъ думахъ и чувствахъ дочки.

— Вотъ, Ниночка, влюби въ себя Ивана Ивановича и заживешь своимъ гнѣздышкомъ. Чѣмъ не женихъ—*ну--?* и слашавая мамаша любовно потрапала за подбородокъ любимицу.

— Ой, что вы, мамаша, законфузилась Ниночка, да вѣдь онъ ухаживаетъ за Селенезевской учительницей. „У-у! противная, ненавижу“... мысленно погрозила Ниночка воображаемому врагу и даже сдѣлала жестъ, какъ дѣлали, по ея мнѣнію, театральные ученицы въ романѣ Соколова.

— Полно, дурочка! успокаивала мамаша. Гдѣ же ей равняться съ тобой... Ни кожи, ни роги... а ты...

И мамаша, откинувшись назадъ, съ восторгомъ оглядѣла холеное дѣтище.

— Не даромъ вѣдь онъ сталъ все спорить, продолжала фельдшериха, оставшись довольна осмотромъ. Помнишь у попа на именинахъ? Ужъ онъ и такт-то и этакъ ее вертить. Другая постыдилась бы, которая ежели съ стыдливая барышня, а она все свое... Охъ, ужъ эти мнѣ ученыя умницы... И скучно то съ ними, да и горе! Рубашенки, поли, себѣ не-

разумѣеть уштопать, а туда же... Невѣста, подумаешь, выскакалась! Сидѣла бы ужъ, да перемигивалась со своимъ дьякономъ. Вотъ тоже одерь-отъ, прости Господи.

— Ой, что вы, мамаша, запротестовала Ниночка. Они очень интересно разсуждали, только не понятно. Все слова какія-то незнакомыя упоминали. Да и говорили не о любви, а все о мужикахъ, да о школѣ. Точно кому и интересно слушать. Я, право, даже не понимаю. Какъ это не деликатно со стороны Ивана Ивановича. Очень даже не деликатно. Все говорилъ и говорилъ съ одной. Насъ будто бы и нѣтъ. Потомъ и другіе мужчины къ нимъ же пристали. Такая досада... У... противные!.. Нехорошущіе!..

Такіе діалоги нерѣдко происходили между фельдшери-хой и дочкой, съ появлениемъ на мѣстномъ горизонтѣ Ивана Ивановича, среди хозяйственной суматохи. Обѣ не рѣдко по поводу ихъ добросовѣстно думали и, пожалуй, мечтали.

При появлениіи Ивана Ивановича, Ниночка каждый разъ поспѣшно принаряжалась и была такимъ образомъ всегда готова къ пріему.

Встрѣчала она учителя каждый разъ неизмѣннымъ вопросомъ и получала стольже неизмѣнныи отвѣтъ. Впрочемъ, эта манера свойственна всѣмъ деревенскимъ интеллигенткамъ, культивируемымъ въ завѣтахъ Домостроя, лишь приспособленного къ современности.

— Что, Иванъ Ивановичъ, давно не бывали? Или у васъ и дома весело?

— Очень—вторилъ ей въ тонъ обычно Ивачъ Ивановичъ.

— Во-отъ какъ—иронизируетъ Ниночка и томно, томно, многообѣщающе вздыхаетъ. Здѣсь, молѣ, бѣется живое сердечко и выросла полная готовность отдать себя въ законный бракъ.

— У насъ такъ скучно... Такъ скучно, что не знаешь, какъ скоротить дни...

Мамаша обычно отсутствуетъ при встрѣчѣ. Мало ли у ней дѣловъ!? Но вѣдь ихъ бросать удобнѣе, когда уже молодые люди поговорили и поприсмотрѣлись.

— Коли скучно, такъ читали бы,ѣздили бы куда-нибудь,—рискнулъ разъ посовѣтовать Иванъ Ивановичъ. Если нужно, я и книгу могу вамъ доставить. У меня, знаете,

этого добра довольно. Чего другого не спрашивайте, а книги всегда къ вашимъ услугамъ...»

— Благодарю васъ—процѣдила Ниночка. Отъ вашихъ книгъ голова заболитъ, да бѣды, пожалуй наживешь; а толку отъ нихъ ровно никакого. Скучныя все... Брала я у вашей симпатіи, да такъ и не прочитала.

— То есть у какой же это „у моей симпатії“ спросилъ ошеломленный учитель.

— Ужь будто и не знаете?—кокетничала Ниночка.

— Повѣрте,—нѣтъ!

— И, хитрый! Думаете и не знаю? Все знаю—лукавила барышня, грозя пальчикомъ.

— Да давай вамъ Богъ! Знайте! настаивалъ учитель. Только и со мной подѣлитесь. А то не удобно. Про меня вы знаете то, чего я самъ даже не знаю.

— Притворяйтесь, притворяйтесь,—играла Ниночка. А книги вашихъ всетаки не надо! У насъ и своихъ довольно, да читать-то лѣнъ! Я люблю, знаете, чтобы было написано все про нѣжное, про деликатное, чтобы было все про любовь. Я ужасно нервная, не кстати кончала она.

— О чёмъ тебѣбечете, молодые люди? спрашивала обычно, входя, мамаша въ желательный моментъ.

— Мама, мама! нарочно тоненъкимъ и нѣжнымъ голоскомъ кричала Ниночка, хлопая отъ восторга ладошами. Иванъ Ивановичъ спрашивается: кто у него симпатія... И притворяется, притворяется;—будто ужь мы и не знаемъ.

— Серьезно же говорю—не знаю,—возражаетъ учитель.

— Ну, не знаете—не надо! рѣшаетъ поладливая мамаша и какъ бы забываетъ о слышанномъ...

— Гдѣ ужь намъ, скромничаетъ про себя Ниночка. Вѣдь мы не дальvizорки...

— Что-о? встрепенулся Иванъ Ивановичъ при звукахъ незнакомаго слова.

— Не дальвизорки,—говорю,—вотъ что! Глухой вы эдакій!

— Гдѣ глухъ, а гдѣ нѣтъ,—загадочно вставляетъ мамаша и завязываетъ тотъ неизмѣнныи и нескончаемый разговоръ, который выручаетъ изъ молчанія и не требуетъ никакого напряженія и новый тѣмы.

„Къ фельшеру сталъ Ѵздить—быть свадьбѣ,—рѣшило общество и терпѣливо стало ждать естественнаго хода исторіи.

Часин ищетъ свою часине»—все настойчивѣй твердилъ себѣ Иванъ Ивановичъ, находя только въ этомъ Гейневскомъ афоризмѣ для себя точку опоры. У меня эта часине—Анютка. Какого же черта еще нужно?» Такъ думалъ самъ онъ, но судьба, правда не судьба, а фельшериха, готовила другое...

Дѣйствительно скоро по какому-то волшебству, а быть можетъ, случайно, произошли очень важныя перемѣны въ жизни нашего захолустья. То семейство фельшераѣздило въ Постниково, то Иванъ Ивановичъ утромъ уѣзжалъ на уроки отъ фельшера. Очевидно, что-то началось, но что именно—не знали даже всевѣдущія деревенскія кумушки. Жизнь говорила, что неминуема свадьба, а ей все не было и не было.

«Гдѣ же это слыхано, чтобы женихъ ночевалъ у невѣсты», разсуждала деревня... Но факты оставались фактами загадочными и непонятными для обывателей.

— Да скоро ли кончится у васъ эта комедія? спрашивали даже интеллигенты...

— То есть что? не понималъ Иванъ Ивановичъ,

— Скоро ли будетъ свадьба, и будетъ ли? пытали общество...

— Не думаю, отвѣчалъ Постниковскій учитель. Впрочемъ всякое бываетъ, добавлялъ онъ и непріятно морщился...

— Благодаря геніальной тактике фельшерихи Иваномъ Ивановичемъ всецѣло овладѣла Ниночка, а мужики и прочее интеллигентство имѣли возможность видѣть его на сколько это разрѣшала первая...

Самъ Иванъ Ивановичъ чувствовалъ себя совершенно вывихнутымъ и сталъ пить. Вначалѣ мамаша Ниночки усердно втягивала его въ пьянство, чтобы замаскировать оструту и рѣзкость въ измѣнѣ образа жизни, но потомъ ей ужъ приходилось останавливать усерднаго пациента. Ивана Ивановича все рвало, возмущало въ этихъ сѣяхъ, но вырваться не было ни желанія, ни возможности...

И потянулась любовная канитель, романъ, безъ видимаго въ дали окончанія... Фельшериха осѣдлала учитель, но чувствовала себя непрочно въ сѣдаѣ; самъ Иванъ Ивановичъ, чуя себя осѣдланнымъ, боялся закрѣпить свое положеніе...

жение бракомъ. И такъ шла жизнь... Жизнь полная противорѣчій, физической и нравственной боли, ломки и переоцѣнки всѣхъ старыхъ цѣнностей.

„Сейчасъ пойду къ пьяницамъ, сказалъ инспекторъ учителямъ сосѣдней волости, отправляясь съ ревизіей въ Постниковское училище. «Вѣроятно и теперь оба пьяные», улыбался онъ. Семейный учитель по законамъ отраженія тоже отсвѣчивалъ улыбку начальства, хотя самъ страдалъ запоемъ.

Желаніе просвѣщенаго начальства сбылось, хотя съ нежелательнымъ для него инцидентомъ...

Была суббота и дѣти отпускались раньше. Инспекторъ какъ разъ прѣѣхалъ въ большую перѣмѣну, послѣ которой обычно производилась выдача книгъ и дѣти отпускались по домамъ. Учитель былъ въ квартире, дѣти шалили. Инспекторъ явился и началъ занятія самъ. Иванъ Ивановичъ, зная, что перемѣна еще не кончилась, прѣспокойно сидѣлъ и вышивалъ съ мяснымъ торговцемъ. Квартира его была отдельно отъ школы и онъ не могъ не видѣть, какъ проѣхалъ инспекторъ. Но пославъ его „къ черту“, продолжалъ пріятную бесѣду. Мясникъ однако беспокойно напомнилъ, что Ивану Ивановичу пора въ школу, такъ какъ перемѣна кончилась и инспекторъ въ школѣ да и ему надоѣхать домой. Учитель всполоснулъ себя холодной водой и отправился въ школу.

Инспекторъ, не смотря на свою выдержанность, вскинулся на него, не стѣсняясь учениковъ.

Этотъ въ свою очередь тоже вспылилъ. И началась безобразная свалка начальства съ подчиненнымъ. Дѣти, заставивъ дыханіе, робко слушали бурный разговоръ, пока Иванъ Ивановичъ не отпустилъ ихъ.

Но тутъ запротестовалъ инспекторъ: „Не смѣйте, дѣти, уходить! Я занимаюсь буду“...

— Ребята, маршъ домой, командовалъ пьяный учитель и дѣтвора, послушная любимому учителю, прыгая черезъ парты, побѣжала на улицу...

— Что Вы со мной дѣлаете—застоналъ вѣнѣ себя инспекторъ.

— А что? спокойно спросилъ учитель. Развѣ лучше было Васъ выгнать изъ школы? Вы же ругаться прѣѣхали. Прѣдъ учениками я не позволю унижать себя... Я сейчасъ напишу прошеніе объ увольненіи...

— А я не возьму, зацротестовалъ инспекторъ. Псы. лайтѣ почтой...

Ребятишки между тѣмъ толпились у школы. Взрослое населеніе начало тоже стягиваться, услышавъ, что въ школѣ не все обстоитъ благополучно...

Инспекторъ, опасаясь, чтобы не вышло чего хуже, согласился идти въ квартиру учителя и напиться чаю...

Счастье его, что вышелъ вмѣстѣ съ учителемъ. Ребята такъ и сговорились: выйдетъ инспекторъ, такъ воть въ эту лужу и уронимъ. Былъ мартъ и передъ школой стояла огромная лужа красной навозной воды... Вотъ бы получилась картина!... Какой выводъ пришлось бы дѣлать училищной администраціи изъ подобной „демонстрації“?

Все хорошо, что хорошо кончается...

Этотъ инспекторскій наѣздъ неожиданно и послужилъ развязкой учительского романа...

Скоро пришла изъ училищнаго совѣта бумага объ увольненіи отъ учительства и Иванъ Ивановичъ уѣхалъ на всегда изъ Постникова, унося на днѣ души горечь отъ жизненнаго осадка.

Въ городѣ онъ занялся репортажемъ въ мѣстной газетѣ и пьетъ непробудно...

Былъ когда-то человѣкъ и нѣть его...

Кабацкіе завсегдатаи знаютъ этого „литератора“ и доставляютъ материалъ для „предергиванья“ изъ своей бурной, пьяной жизни...

И онъ пишетъ...

Копчикъ.

Чему и какъ я учился въ О-скомъ городскомъ училищѣ.

«Воспитаніе—великое дѣло: имъ рѣшается участъ человѣка».

Сейчасъ я состою народнымъ учителемъ; въ моихъ рукахъ крупное дѣло: я душа школы, я душа деревни.

Чтобы правильно вести это дѣло, чтобы не уродовать его, необходимо самому стоять твердо ва ногахъ, а этого-то и нѣть у меня: я изъ рукъ вонъ плохо «образованъ» и обидно поглядѣть, какъ иногда оказываешься пустымъ тамъ, гдѣ ужъ не должно бы быть этого явленія.

Знаній у меня жалкая горсточка, и отъ этого порою бываетъ слишкомъ грустно... Приходится, захлебываясь, на-верстывать утерянное.

И все это отъ того, что меня изуродовали въ названіи училищѣ, да и не меня одного, а всѣхъ, кто жилъ подъ ихъ кнутомъ «мракобѣсія».

Статья эта не имѣетъ личнаго характера,—изъ назв. училища вышли десятки народныхъ учителей, почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, техниковъ и много лицъ, другихъ профессій.

Училище служитъ разсадникомъ интеллигентныхъ тружениковъ—пролетарievъ.

Въ г. О—вѣ существуетъ только лишь одно городское училище; другихъ училищъ не считая начальныхъ, да жен-

скихъ, иѣть, отсюда ясно, что туда, въ городское училище, идетъ вся дѣтвора; оттуда выходитъ все передовая молодежь съ тѣмъ балластомъ знаній и воспитанія, коимъ снабжаетъ назв. училище.

Вотъ отчего въ этой статьѣ я и стараюсь освѣтить „духъ училища“, его физіономію.

Это очень важно, особенно въ настоящее время, когда послѣднія должны стать на высоту своего призванія.

Это училище обслуживаетъ все населеніе г. О—ва и его окрестностей — и вотъ посмотримъ, что оно даетъ ему, чѣмъ нагружаетъ оно «молодое поколѣніе», каковы выходятъ оттуда молодыя силы, и съ чѣмъ они идутъ въ народъ на службу, каковы изъ нихъ могутъ быть работники, что они могутъ тать, куда и къ чему пойти! ..

Вѣдь это истина, что училище оставляетъ въ душѣ учащагося глубокій слѣдъ.

Посмотримъ же, какую борозду въ душѣ учащагося прокладываетъ пазванное училище.

Я себя помню со втораго отдѣленія.

Помню, инспекторъ Б. далъ мнѣ кличку «бульдогъ», вѣроятно, оттого, что я ему надоѣдалъ, много говорилъ. И вотъ эту кличку я перетащилъ черезъ всѣ отдѣленія, т. е. *шесть лѣтъ!*

Весь классъ обзвывалъ меня «бульдогомъ» и отъ этой клички я страдалъ до слезъ. Идени бывало по улицѣ и вдругъ слышинъ громкое-громкое: «Бу-ульдо-огъ!!!»

Половина училища у наѣѣ была съ кличками, кои умѣло и довольно мѣтко давали учителя; естественно, что и между нами развилось состязаніе въ даваніи кличекъ, тѣмъ болѣе что это не преслѣдовалось.

Меня «разстервенили», озлобили, обезличили, и я шалилъ, дѣлалъ пакости — въ книжку же заглядывалъ рѣдко. Дома меня окружали грубые, темные люди. Кромѣ того, я могъ пользоваться книгами только лубочного изданія, какъ напр. романы «Родины» и т. п. Я конилъ гроши и на нихъ покупалъ книги, но покупалъ также всякую гадость, опять таки по той причинѣ, что некому было указать на хорошия книги.

А нѣдѣль миѣ тогда было 15 лѣтъ, и въ такіе годы за-
держивался ростъ души силь.

Я ходилъ въ школу и у меня почти никогда не спра-
шивали уроки.

У меня учителемъ былъ бытъ И. А. Г—къ. Онъ зани-
мался съ 3 и 4 отдѣленіями. Я гдѣ просиживалъ на скамьѣ
и «вызывался» раза 4—5.

Вотъ Г—къ вызываетъ меня. Выхожу. Урокъ знаю плохо,
отвѣчаю не удовлетворительно. Учитель насмѣхается, «не-
редразниваетъ».

Я опускаю голову, на которую ушатомъ льются помои:

— Тебѣ въ училище ходить? Бураками торговать! тор-
говкою бытъ! Баламутъ ловилъ бы! Или подметалъ бы пло-
щадь на базарѣ... п-шель.. у-у... мерзавецъ!..

Таковыя сцены учинались не падъ однимъ мною.

Я тихо и угрюмо бреду, прохожу мимо него, и тотъ, ру-
гаясь, журналомъ меня по шеямъ! да такъ ловко, каналья,
быть, что невольно смыкаются всѣ.

Учиться мы предооставлялись сами себѣ; Г—къ всегда
опаздывалъ, долго засиживался въ учительской, на урокахъ
или читаль газету или писалъ письма.

Случалось иногда мы писали иероложенія, но только въ
годъ одно, два — не больше. Если напишемъ въ октябрѣ, то
И. А. приносить ихъ въ мартѣ, да и то почти непросмот-
рѣнныя имъ.

Диктовокъ писали тоже не больше 5.

За то уроки заполнялись драками, ругней.

Что составляло Г—ну «сѣѣздить по рылѣ», ударить ученика
головою о кафедру, разорвать ухо, или стукнуть увѣсистымъ клю-
чомъ по головѣ. Благо мы ребята были крѣпки, злоровы собою.

Жиганеть иного по башкѣ ключемъ — та только глухо
треснетъ да заплачетъ шишкою и только...

Съ 3-го отдѣленія настъ учили (на смѣхъ курамъ!) фран-
цузскому и нѣмецкому языкамъ. Учила С. В.

Звонокъ. Входимъ въ классъ. Урокъ французскаго. Ея
нѣть. Поднимается шумъ, бѣготня. Дурѣемъ во всю — ея нѣть,
какъ нѣть. Проходить полчаса — ея нѣть.

Мы ревомъ ревемъ. Ныль столбомъ — свѣта Божьяго
не видно! Ея нѣть,— она въ учительской и вокругъ ея юбки
всѣ учителя точать балясы ..

А у насъ оть рева дрожать стѣны. Открывается дверь, высовывается рыжелысая голова Г—ка и, побагровѣвъ отъ волненія, произносить: тише вы, мерзавцы! и скрывается. Классъ на мгновеніе умолкаетъ и вдругъ громко ореть, пинкть и стучить партами: подай моль сюда учительницу.

И вдругъ плыветь она, мы встаемъ и что есть мочи кричимъ: «Бонжуръ!»

Та молчить, вся покраснѣла какъ варенный ракъ и во все горло ореть: «силянсь!», но классъ еще не унялся—а тутъ этого и нужно: С. В. быстро поднимается стучить дверьми и скрывается.

На смѣну ей вѣгааетъ Иванъ Андреевичъ и ореть:

— Мерзавцы!... Подлецы!... Всѣхъ.. у-у-у!... и пошелъ, и пошелъ..

— Станьте по рядамъ!ношли вонъ! въ рекреаціонный залъ.

Мы выходимъ и становимся рядами. Армія громадная.

Иванъ А. выносить три стула,—На одинъ изъ нихъ кладеть ноги, на другой садится собственной персоною, на на третемъ табакъ, папиросы, непельница, спички; въ рукахъ — газета!

Онъ читаетъ газету, пускаетъ кольцами дымъ — мы стоимъ и молча переговариваемся между собою. Мимо насъ изъ учительской шумно проходить учителя во главѣ съ С. В.

Мы стоимъ, стоимъ унылые, голодные, злые... Я на этихъ урокахъ сидѣть всегда смирно, но на меня была положена «за прежнія отличія» покута и я долженъ быть всегда ея несть на своихъ плечахъ, въ силу чего меня и еще душъ 20 «отпѣтыхъ». Иванъ Андреевичъ «отгонялъ» въ сторону.

Мы стоимъ: въ желудкѣ разъѣзжаютъ извозчики, хочется ъсть; въ головѣ шумъ, тошнить, хочется на свѣжій воздухъ— но ни съ мѣста!

Г—къ отпускаетъ по одному черезъ большиe періоды времени.

Мы стоимъ, мѣлють ноги,—хочется плакать...

Но, наконецъ, тѣ ушли, остались мы, кучка «прокаженныхъ»,—насъ онъ загоняетъ въ классъ и велить сидѣть до захода солнца, а самъ идетъ въ собраніе, гдѣ ужъ «налижется»...—это мы знали изъ достовѣрныхъ источниковъ.

Однажды Г—къ заперъ насъ четверыхъ на ключъ въ при-

хожей, — самъ же ушелъ. Миѣ было грустно, — я томился и отивался... Я зналъ, что сегодня мнѣ «нападетъ», когда приду домой.

Къ вечеру мнѣ явилась необходимость удовлетворить естественной потребности. Я стала стучать въ дверь.

На стукъ не появлялся никто. На глазахъ у меня появились слезы. Наконецъ, я рѣшился и использовалъ печь... Уже было темно, когда явился сторожъ и открылъ дверь. На слѣдующій день товарищи о моемъ вчераинемъ поступкѣ сказали Г-ку.

Тотъ далъ мнѣ хорошей трепки, *три недѣли* въ продолженіи всѣхъ уроковъ держалъ меня на погахъ, и оставлялъ въ классѣ до захода солнца.

И у него хватало еще наглости заходить къ моей матери-торговкѣ и говорить ей, что я «ужасный мерзавецъ».

Его черствая, извощическая душа не могла понять, что старуха — мать безпредѣльно любила своего единственнаго сына, мерзячество котораго отравляло ея и такъ жалкое существование.

Уходя изъ класса, бралъ и я сумку и направлялся къ выходу, но тутъ Г-къ давалъ мнѣувѣсистаго подзатыльника, — пошелъ вонъ! Сиди до вечера! Я поворачиваю обратно, бросаю на столъ книги и сажусь; товарищи ушли, ушелъ и онъ,

Миѣ грустно и тяжело; тревожно бьется сердце, сжимаются кулаки и вдругъ,.. градомъ брызжутъ слезы...

Въ головѣ родятся и жалять болезнѣ, забитый мозгъ горячія думы.

Въ школу пошелъ голоденъ, съ собою ничего не взялъ; сижу голоденъ, утомленный!

Могу ли я готовить на завтра урокъ?

Я сижу. Въ сосѣднемъ классѣ сторожъ моетъ классъ, переставляетъ парты.

Я поднимаюсь, шарю по ящикамъ, нахожу куски хлѣба и начинаю ихъ ѣсть.

Я знаю, что кто-нибудь уже зашелъ къ матери, сказалъ, что я сижу въ классѣ и она, бѣдила, страдаетъ вдвойне.

И жаль же ей своего сынка, сердце изболѣлось по немъ!

«Неужели изъ него не будетъ толка?» думаетъ она. А ея сынъ «ужасный мерзавецъ» сидитъ до захода и ждеть

учителя, который такъ и не приходитъ.

И я беру сумку и плетусь ко двору.

Иду не торопясь, медленно.

Мать, думаю, намерзлась, наработалась. Придеть она домой, а сына нѣть.

Но вотъ и онъ, надо же ему задать...

— Эхъ, мама, мама! лумаль я. Не понимаешь ты ничего. Ты думаешь, я не страдаю. Да что же подѣлаешь?

— Отрастутъ у меня крылья, думалось мнѣ. Возьму съ собою мать и улечу отъ этихъ трехъятыхъ людей. Наберусь силъ и брошу вамъ въ лицо всю ту грязь, которой вы, наставники мои, забросали всего меня...

Да только мать умерла...

Перехожу опять къ фактамъ.

Однажды послѣ французскаго я и еще 2 или 3 ученика остались *безъ обѣда*. Сперва мы сидѣли одни, по вскорѣ вошель въ классъ учитель-хочоль Яковенко. Онъ велѣлъ намъ стать у стѣны. Мы молча стали. Онъ сидѣлъ на стулѣ и читалъ книгу.

Мы стояли уже нѣсколько часовъ. Я валился съ ногъ. Яковенко вышелъ въ залъ и стала пасвиствовать.

Стало темнѣть. Въ сосѣднемъ домѣ зажгли лампы. Стоять дольше уже не было силъ и я что-то сказалъ. Вѣгасть къ намъ Яковенко и спрашивается: Что-о-о?

— Ёсть хочется и ноги болятъ, говорю я ему.

— Ёсть! На вотъ! Ёшь! сказалъ тотъ злорадно и что есть силъ ударилъ меня посомъ въ ногу...

Такъ вотъ какъ и чему настъ учили!!!

Я былъ ученикъ, а уже съ 3 отдѣленія съ товарищами курили, ругались и иногда пили водку. Я, какъ помню, не имѣлъ тогда ровно никакого понятія, что это не красиво, вредно и нагубно и что это вовсе не нужно памъ.

На каникулахъ я бывало рыбачилъ, работалъ за мужчину, рвалъ свои силы и копилъ деньгу.

На собранные гроши покупалъ книги тетради и съ радостю шелъ въ училище. Но только вошель въ школу, такъ и пошли клички, стояніе у стѣны, подзатыльники и т. п. и опять становилось грустно и сердце всегда учащенно билось въ груди.

И не мудрено, если я, будучи «растравленъ» учительями, дважды покушался на свою жизнь!.. И могу ли я молча обойти это? Могу ли не заклеймить своихъ наставниковъ по зорнымъ именемъ? Могу ли я простить имъ это?

Нѣть—не могу!

Съ клокочущей энергией и злобою я говорю имъ: Вамъ нѣть мѣста въ храмѣ науки, который вы обратили въ казарму мракобѣсія!..

Почти все населеніе г. О. рыболовы, судовладѣльцы и торговцы.

И учителя смѣли упрекать насъ «торговкою», «баламутомъ». Но какому праву они смѣли издѣваться надъ низкими профессіями нашихъ родителей?!

Откуда они беруть наглость съ первыхъ школьніхъ дней убивать въ ребенкѣ лучшіе отношенія къ своимъ родителямъ?

Вѣдь я со 2 отдѣленія сталъ «стыдиться» своей матери: она была торговка! Я но нѣсколько дней положительно голодалъ, такъ какъ, чтобы поѣсть, надо было ити на базарь и тамъ удовлетворить свой голодъ.

И что могло получиться изъ меня, если я всѣ школьные годы стыдился, что у меня мать—торговка!?

А вѣдь перечесть всѣхъ интеллигентныхъ тружениковъ изъ О.-то получится почти вотъ что.

Учитель—сынъ бѣднаго плотника, учитель сынъ мужика, нѣсколько учителей—сыновья торговокъ, учитель—сынъ рыбака; учитель—сынъ матроса и т. д. Дальше, почтово-телефрафные чиновники—сыновья мужиковъ, торговокъ, рыбака, швеи и т. п.; техники—сынъ прачки, трактирщика и т. п.

И вотъ пошли—учителя калѣчили насъ, отбивали насъ отъ родителей и топтали въ грязь.

Никто изъ нихъ не понималъ (или не хотѣлъ понять) составъ дѣтской души и грубыми грязными руками ломалъ ея двери, мялъ всходы души и засыпалъ дѣтскую душу грязью!

И сколько трудовъ и усилий стоило намъ заравнивать ту грубою, ненужную дорогу, кою протаптывали они въ нашихъ душахъ.

И выйдя изъ училища я, какъ и всѣ почти, не вынесъ ровно никакихъ знаній—умѣлъ читать да безграмотно писать.

А вѣдь всѣ мы были ребята способные, годные къ хорошему ученію,—да учили-то насъ изъ рукъ воинъ плохо!

Видѣли мы въ училищѣ ящики съ пасѣкомыи, чучела птицъ и еще кое-что, но никогда нась не знакомили съ этимъ... учителя томились нами: ихъ тянуло въ клубъ, къ картамъ, водкѣ; къ легкому флирту и т. п., но только ужъ не возиться «съ баламутами»!

И воть оставилъ я училище, гдѣ промучился «семь лѣтъ»! Я получилъ *аттестатъ*! Знаній у меня не было ни на грошъ, хотя въ аттестатѣ были четверки и пятерки и даже по тройкѣ за французскій и нѣмецкій.

Ну, не смѣхъ ли, господа? Вѣдь я ни одного слова не зналъ, ни одной фразы не умѣлъ прочесть по французски или по нѣмецки...

Сколько же усилий и труда стоило мнѣ и всѣмъ товарищамъ, получившимъ аттестаты, паверстать утерянное и за-пастись дѣйствительными знаніями!..

И только по выходѣ изъ этой казармы мы развертывались и крѣпли,—одни шли виередъ, шли на службу, самообразовывались, всесторонне развивались, росли умомъ, силами,—зажигались и свѣтили.

Шли эти лица къ наковальнямъ, брали въ руки молотъ и дѣлали свое дѣло, къ которому они были приставлены.

Другіе спивались, грязли и пропадали,—и не мудрено...

Вернувшись опять въ училище, къ свѣтлому факту.

Одно время появился у насъ учитель, нѣкто г. Макаровъ. Это была свѣтлая личность!

Я тогда былъ въ пятомъ отдѣленіи.—Макаровъ былъ съ нами нѣженъ, сердечно-близокъ. Занимался съ нами охотно и усердно. Мы стали много и добросовѣстно работать. Сталъ онъ ставить хорошия отмѣтки, часто и каждого спрашивая. Много писали сочиненій,—онъ дѣлалъ хорошія, умныя замѣтки, ставилъ имъ слова одобренія, поощряя всякий хороший трудъ.

Мы ободрились и дружно взялись за учение. Мы ожи-ли,—ласки добрали и хорошато человѣка пробудили въ на-шихъ душахъ лучшіе чувства и мы потянулись къ Макарову, точно къ солнцу! Никогда мы не слышали отъ него худаго слова. И мы полюбили Макарова, какъ только можетъ лю-бить юношество свѣтлую личность!

Только онъ скоро сошелъ со сцены: на него, громко «каркая», накинулось поганое воронье-учительство и заклевало...

Одинъ въ полѣ не воинъ!..

Макаровъ поссорился съ учителями, не сталъ съ ними здороваться, не заходилъ въ учительскую, а заходилъ прямо къ намъ въ классъ, здѣсь раздѣвался и сидѣлъ все время.

Макаровъ донесъ о безчинствахъ учителей. Выѣхать въ училище инспекторъ народныхъ училищъ на слѣдствіе.— Воронье царство засуетилось.

Инспекторъ училища М—къ выдумалъ массу подлостей, которая нагло взвалила на Макарова. М—къ сталъ зазывать къ себѣ многихъ учениковъ, въ томъ числѣ и меня, и просить поддержать его...

Вечеромъ собирались въ училищѣ всѣ учителя во главѣ съ пріѣхавшимъ инспекторомъ. Пригласили въ училище меня и еще иѣкоторыхъ учениковъ.

Мы сидѣли очень долго безъ свѣта въ комнатѣ 1-го класса и намъ было очень жутко.

Изъ учительской иѣсколько разъ выходилъ пріѣхавшій инспекторъ со свящ. о. Л. и о чёмъ-то шептались.

Наконецъ начали допрашивать пась.

Одинъ говорилъ, что ему на половину оторвали ухо; другой, что его били и т. п. Я также рассказалъ все.

На другой день нашъ классъ былъ въ сборѣ,

Пришелъ Макаровъ, поздоровался съ нами и сейчасъ же ушелъ въ учительскую, откуда вышелъ очень грустнымъ.

Мы сѣли за парты. Макаровъ подошелъ къ намъ, хотѣлъ что-то сказать и громко заплакалъ!...

Классъ заволновался, но тутъ вошелъ къ намъ инспекторъ, что-то сказалъ Макарову и тотъ ушелъ изъ класса.

Больше мы его не видѣли.

Бывшимъ на допросѣ совѣтъ поставилъ тройки по поведенію, какъ за „ложныя показанія“.

А на мѣсто Макарова всплыла новая фигурка, которую мы сейчасъ же и окрестили „халявою“.

Много еще я не освѣтилъ фактovъ, не желая затрагивать личности товарищѣй.

Вѣль повторяю, статья не носить личнаго характера.

Я обрисовалъ душу училища, духъ вороновъ-- учителей и только.

Еще нѣсколько словъ о настоящемъ училища и тогда поставлю точку.

Въ настоящее время инспекторомъ училища состоять ужасный сатрапъ, не поддающійся описанію грубіянь и невѣжда.

Одной матери, которая пришла къ нему навести справки о сынѣ, онъ сказалъ: „ты! что? Ты—ни два, ни три, какъ кухарка! Твое дѣло на кухнѣ!“ и все въ томъ же родѣ.

Эти слова онъ сказалъ въ учительской, въ присутствіи другихъ учителей.

Другой матери онъ сказалъ слѣдующее: „такихъ, какъ твой сынъ, которые ломаютъ деревья, бьютъ стекла, надо вѣшать, разстрѣливать, сажать въ тюрьмы“ и т. п.

Къ стыду О—вцевъ, никто не высказываетъ громко протеста этимъ сатранамъ.

Родители учащихся даже боятся идти къ инспектору, такъ какъ послѣдній почти каждому „тыкаеть“, кричитъ, ругаетъ и иногда выгоняетъ изъ училища. Стыдно вамъ, горожане, молча глядѣть на всѣ эти безобразія, кои творятся въ училищѣ.

Подойдите ближе къ нему и вы увидите и ужаснетесь:— тамъ уродуютъ вашихъ дѣтей.

Вы еще и до сихъ поръ не интересуетесь; чѣму и какъ учать дѣтей вашихъ дѣтей въ вашемъ училищѣ!

Стыдно, родители!

Идите ближе къ дѣтямъ, не предоставляйте имъ самимъ разбираться въ несправедливостяхъ учащихъ. Прислушайтесь къ ихъ протестамъ противъ своихъ наставниковъ и вы тогда вполнѣ убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ.

Пора, горожане, вамъ проснуться!

И вы, „честные, хорошіе, пдѣйные“ товарищи, что вышли изъ этого же училища и волею судебнаго живущіе въ О, также молча глядите на эти гадости и къ стыду вашему не рѣшаетесь выразить порицаніе такимъ поступкамъ!

Развѣ для васъ безразлична участъ менышпхъ братьевъ вашихъ, развѣ и васъ засасываетъ типа?

Развѣ!?

Логгинъ Кравченко.

А н д р е й Т о м и г о р ъ.

(Изъ досуговъ сего здѣшнаго учителя).

Окна всѣ въ серебрѣ.
На широкомъ дворѣ
Злой морозко гуляетъ съ дубиной.
Красить грозный морозъ,
Красить щеки и носъ,
Насмѣхаясь надъ бѣднымъ дѣтиною,
Что послѣдній пятакъ
Тащить съ горя въ кабакъ,
Чтобъ согрѣть свое грѣшное тѣло,
Чтобъ забыться онъ могъ
Отъ заботъ, подъ шумокъ
Чтобы время быстрѣе летѣло.

Что же дѣлать мнѣ, братъ?
Я заснуть очень радъ,
Не могу: я всю ночку скучаю.
Вотъ сѣ постели встаю
И лучину свою
Торошливо въ свѣтцѣ засвѣчак
И берусь за перо.
Начинаю остро,
Наклоняся надъ сѣрой бумагой.
Плохо пѣсня течетъ—
Въ риѳмахъ все недочетъ,
Хоть за дѣло беруся съ отвагой.

Все пустыя мечты.
Не дремли-ка же ты,
Другъ мой, муза моя молодая.
Сядь поближе ко мнѣ,
Запоемъ въ тишинѣ...
Не красный же, моя золотая...
Не задѣнемъ друзей,
Ни вельможъ, ни князей,
И сосѣдей оставимъ въ покой—
И про нихъ ни стиха!
Прочь, мой другъ, безъ грѣха—
Знаешь времячко нынче какое.
Но избитой тропой
Не пойдемъ за толпой—
Грянемъ громко хоть грубо немножко.
Ну такъ что-жъ? Не бѣда!
У кого, господа,
Тонокъ слухъ, затворите окошко:
Это трудъ небольшой.
Я бы радъ всей душой
Поласкать ваши уши аккордомъ,
Но...
Начну поскорѣй.
Передъ нами Андрей
Томигоръ въ самовластія гордомъ.

Въ раннемъ дѣствѣ клюкой
Этотъ хищникъ лихой
Околачивалъ съ воплемъ окошки:
И, стоя у воротъ
Въ шайкѣ круглыхъ сиротъ,
Пожиралъ зачерствѣлыхъ крошки,
Размышляя о томъ,
Кто бы принялъ въ свой домъ
На ночлегъ, посадилъ бы за ужинъ
Не пускали въ избу,
Проклиналъ онъ судьбу—
Никому оборванецъ не нуженъ.
Снова робко стучалъ
И, бывало, ворчалъ

Онъ всю ночь напролеть передъ хатой.
Грязны губы и носъ,
Вѣчно жесткихъ волосъ
Не чесалъ онъ гребенкой зучатой.
Аль придетъ въ Божій храмъ,
Такъ взглянуть просто срамъ;
Дыроватый такой армячишка,
Хоть десятки заплатъ
И усълился въ ладъ...
На ногахъ безъ портнянокъ лаштишка.
И въ четырнадцать лѣтъ
Быть не лучше одѣтъ,
Хоть съ пастушьимъ ходилъ барабаномъ.
Только зорька чуть-чуть
Успѣвала взглянуть
Надъ сгустившимся въ полѣ туманомъ,
Онъ ужъ гналь тощій скотъ
На равнины болотъ,
Къ ручейку или къ рѣчкѣ въ долину.
Тамъ по цѣлымъ часамъ
Горько плакивалъ самъ,
Иль затягивалъ грустно „Калину“.
И не мало годовъ
Въ караванѣ судовъ
Мыкалъ горѣ свое на каналѣ:
Поникалъ головой
Подъ тугой бичевой
И мечталъ о пріятномъ привалѣ.
Наступала пора—
Отыхалъ у костра,
Бралъ съ улыбкой бурлацкую чашу,
Ломоть хлѣба солиль,
Масло постное лилъ,
Не жалѣючи, въ пшеннную кашу.

Какъ весною вода,
Протекали года—
А ему лѣтше не было доли:
Поникалъ головой
Подъ тугой бичевой,
Даже кости трещали отъ боли.

Мыслить будущій жомъ:
„Вѣкъ щетинъся ежомъ—
„Не дождешься отрадной разлуки
„Съ опостылой сѣмой...
„А студеной зимой
„Вдвое горше натерпишься муки.
„Надо лѣстить—безъ труда
„Съ плечъ свалится бѣда...
„Вѣль найдется мнѣ место въ лакейской.
„Тамъ живи, да не трусь,
„Тамъ-то я наберусь
„Вдоволь мудрости всякой житеїской.“

Прожилъ годы въ добрѣ
При гospодскомъ дворѣ,
Подвязавши лакейскій передникъ.
А его господинъ
Не простой дворянинъ;
Господинъ тотъ былъ мѣстный посредникъ.
За искусную лесть
Воздалъ явную честь—
Былъ лакею онъ щитъ и опора—
И за гибкость спины
Приказалъ въ старшины
На трехлѣтнѣе избрать Томигора.

„Это должность по мнѣ:
„Честь отъ всѣхъ старшинъ—
„Тутъ не пахнетъ работою рабской.
„Я по-барски одѣтъ,“
Мыслить онъ: „и обѣдъ
„Запиваю одной бессарабской.
„Не простакъ старшина:
„Знаю цѣну вина—
„Не зальешь мнѣ сивухою глотки...
„Задеру мужика,
„Какъ найду дурака
„За простою бутылкою водки.
„У меня чтобы въ срокъ
„Былъ представленъ оброкъ...“

„Если разъ появлюся къ амбару—
„Все зерно утечеть.
„У меня есть расчетъ
„Утянуть и клаченочекъ пару.“
Онъ не видитъ въ томъ зла.
За такія дѣла
И начальство его награждаетъ.
Мужичекъ между тѣмъ
Разорился совсѣмъ
И съ семействомъ весь годъ голодаетъ.

Разъ, себѣ не въ укоръ,
Говорить Томигоръ:
„Шесть годовъ просидѣлъ старшиною.
„Ну, не все въ старинахъ...
„Повышенѣе въ чинахъ
„Я недолго себѣ завоюю.
„Подкуплю кулаковъ,
„Освищу дураковъ—
„Понамѣтилъ я должностъ другую.
„Вѣдь не стыдъ и не грѣхъ
„Говорить мнѣ при всѣхъ,
„Что я былъ старшиною прекраснымъ.
„Отчего бы теперь
„Не стучаться мнѣ въ дверь
„Нашей земской управы—быть гласнымъ?
„Вѣдь заманчиво: тутъ
„Рѣчи важно ведутъ,
„Ты въ дворянскомъ кругу засѣдаешь:
„Золотое житѣе:
„Гладишь брюхо свое
„И о важныхъ дѣлахъ разсуждаешь
„Ну, такъ вонъ изъ старшинъ!
„Есть не мало причинъ,
„Чтобъ не быть мнѣ теперь старшиною.
„И правленскій сундукъ
„Отощалъ какъ-то вдругъ,
„И вся волость очищена мною.
„За иное пора.
„Я куплю три ведра

„Полномочнымъ винишко простого

„(Не терплю я его...

„Да ужъ, такъ... ничего—

„Уступлю я для дѣла святого).

„Угощу ихъ, ословъ,

„Тутъ же парочку словъ

„Соблазнительныхъ имъ на закуску:

„Пусть, сбираясь на пиръ,

„Выборъ сдѣлаетъ міръ!—

„Нѣ вобѣшь всѣхъ горлановъ въ кутузку.

„Вотъ еще три ведра.

„Ну кричите ура!

„И конецъ. Если кто захлоочеть,

„Такъ того какъ-нибудь

„Не мѣшаешь пугнуть...

„Ну, чего, молъ, дубина тотъ хочеть?

„Чтобы я, молодецъ,

„Разорилъ васть въ конецъ?

„Безъ меня вы найдете отраду!

„Такъ скорѣе, пора...

„Вотъ еще три ведра

„Отъ меня вамъ, ребята, въ награду!

Я люблю, господа,

Выходить иногда

Съ собаченкой своей на охоту.

Какъ-то разъ по веснѣ

И случилося мнѣ

Прогулять цѣлый день по болоту.

Неудаченъ былъ день:

Всѣ въ колоду да въ пень—

Только даромъ мозолилъ я ноги...

И, какъ путникъ больной,¹¹

По опушкѣ лѣсной

Еле брелъ до почтовой дороги.

Изъ-за розовыхъ тучъ

Ярко солнечный лучъ

Золотиль темя ели иглистой.

У нея отдохнуть

Я рѣшилъ. И вдохнуть.

Ужъ успѣлъ дважды зацахъ смолистый,
Какъ послышался стукъ,
Звонъ и громъ за нимъ вдругъ,
И взвился преогромный столпъ пыди.

Я увидѣлъ тотчасъ
И большой тарапастъ.
Въ пѣнѣ бѣдныя лошади были.

Чхнувъ отъ пыли густой,
Закричалъ я: „постой!
„Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались“!
Но сѣдокъ и слегка
Не погнулъ козырька.

Вѣроятно, и вы догадались—
Кто промчался въ опорѣ?

Да, Андрей Томигорь.
Онъ теперь ужъ одинъ изъ тирановъ.

Сила земскаго—онъ,
Попираетъ законъ
И стрижетъ онъ людей какъ барановъ.

Какъ живетъ—разскажу.
Вотъ однажды вхожу
Я въ управу—случилося дѣло...
Озираюсь кругомъ,
Вижу, въ залѣ другомъ,
Въ креслахъ лаковыхъ тучное тѣло.

Принимаюсь писать.
И успѣлъ набросать
Вѣрный образъ героя съ натуры.

Да, точь въ-точь, какъ онъ есть.
Неугодно-ль прочесть
Бѣглый очеркъ пузатой фигуры.

Но полнѣло лицо;
Усть раскрученъ въ кольцо,
Голова пріучесана гладко;

А когда говоритъ,
Какъ рублемъ вѣсъ дарить: „
Голосъ звонкій и льется такъ сладко
А триковый жакетъ,
А атласный жилетъ,

Съ моднымъ бантюкомъ галстукъ отличный.

А бѣлье первый сортъ—

Не опишетъ и чертъ:

Томигоръ точно баринъ столичный.

Но, сойдясь съ мужикомъ,

Онъ ужъ смотрить котомъ.

Приметь онъ величавую позу,—

То прищуривъ свой глазъ

Улыбнется сейчасъ,

То въ бровяхъ прочитаемъ угрозу.

Выгнувъ корпусъ впередъ,

Къ верху носъ задереть,

Кулаки заложивши въ карманы,

Говорить: „Мужики!

„Вы совсѣмъ дураки!

„Вы—болваны, болваны, болваны“!

Я спросилъ у него:

„Расскажи, отчего

„Какъ сатрапу тебѣ носять плату?

— „Что за странный вопросъ?

„Не со мной-ли ты росъ?

„Вѣдь имѣю ума-то палату:

„Побывалъ въ старшинахъ...

„Нынче въ земскихъ чинахъ

„Поустроился выгодно больно:

„Сладко сплю на пуху,

„Быть стерляжью уху

„И съ тузами гуляю раздолично.

„Не родился глупцомъ.

„Нажиль ловкимъ словцомъ

„Не одно дорогое помѣстье...

„А видаль ли мой боръ?

„Не бываль въ немъ топоръ—

„Развернулось мое краснолѣсье,

„Какъ роскошный коверъ,

„И все лѣсь на отборъ,

„На сто верстъ по равнинѣ квадратомъ.

„Сколько рѣкъ и луговъ

„У простыхъ мужиковъ

„Оттягали намедни мы съ братомъ!
„Безъ особыхъ хлонотъ
„Подчинилъ и господъ—
„Всѣмъ знакома могучая сила,
„Сила желтыхъ монетъ...
„Ей соперницы нѣть—
„Много знатныхъ она подкосила
„А кого захочу,
„Такъ живьемъ проглочу,
„Какъ глотаетъ глубокое море.
„Предо мной—всѣ рабы!
„Кто же встанетъ въ дыбы—
„Ой, и горе тому, ой и горе“!

Разъ его цапъ-царапъ
Имъ обиженный рабъ...
Подстрекаемый мстительнымъ духомъ,
Дать желая отпоръ,
Взялъ тяжелый топоръ
И хватилъ Томигора обухомъ.

II. Вересовъ.

СЛУЖИ ОТЧЕСТВА.

(Записки изъ недавняго прошлаго—начало смуты)

(продолженіе.)

XV.

Осеню солнышко ярко свѣтило съ голубого неба, но грѣло плохо. Послѣдніе лучи его золотили макушки сосенъ дремучаго бора, чрезъ который пролегала проселочная дорога. По ней медленно двигалась болѣяя телѣга, до верху наполненная различною поклажею. Телѣга отъ тяжести по скрипывала, когда колеса катились по неровнымъ колеямъ. Вороная лошадка шла мѣрною ступью, слегка потряхивая гривою. Подлѣ воза шелъ старикъ средняго роста, съ сѣдой бородою и тихо пѣлъ „*отверзу уста моя*“... Онъ одѣтъ былъ въ сѣрый подрясникъ, опоясанный широкимъ зеленымъ шарфомъ. Невысокая шляпа съ широкими полями надвинулась на самыя брови, такъ что лица проѣзжаго не видно.

Выїдя изъ бора, дорога круто спускается въ довольно глубокій оврагъ, по каменистому дну котораго струится ручей; надъ нимъ виситъ бревенчатый мостъ. Проѣзжій или былъ навеселъ, или замечтался о чемъ-то, только не привналъ никакихъ предосторожностей къ спуску въ оврагъ. Лошадь, предоставленная сама себѣ, не уменьшала шагу: тяжелый возъ напиралъ на нее сзади. Она не выдержала и понеслась. Телѣга соскочила съ передка. Лошадь бѣжала съ передними колесами до тѣхъ поръ, пока возжи не защатались около оси и не остановили ее. Старикъ подвелъ ее къ возу. „Экой

г҃рѣхъ случился“, произнесъ онъ; „Что теперь буду дѣлать? Надо развязывать возъ“... Но и порожней телѣги не могъ поднять на передокъ.

„Экое горе!“ воскликнулъ онъ: „силъ не стало для поднятія порожней телѣги“... Оставить поклажу на дорогѣ было опасно, тѣмъ болѣе, что ночь надвигалась, а до селенія около восьми верстъ. Рѣшился заночевать на пути. Авось какой-нибудь случай выведетъ изъ затрудненія.

Черезъ десять минутъ послышался стукъ колесъ. „Слава Тебѣ, Господи“, произнесъ старикъ и осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ: „кто-то будетъ“; Стукъ слышался все яснѣе и яснѣе. И наконецъ по другую сторону моста показалась лошадь, запряженная въ тарантасъ, въ которомъ сидѣлъ молодой человѣкъ. Онъ, замѣтивъ возъ, свалившійся съ передка, и старика стоящаго иодѣлъ него, остановилъ лошадь и выскочилъ изъ экипажа съ цѣлью оказать помощь потерпѣвшему.

— Помоги, добрый человѣкъ, телѣгу поднять на передокъ, просятъ старикъ.

— Помогу. Отчего не помочь? Да ты кто?

— Дѣячекъ, кормилецъ.

— Дѣячекъ? Что-то не вѣрится. Ты мало похожъ на дѣячка.

— Право, дѣячекъ, кормилецъ.

— Ну, дѣячекъ, такъ подыму. Дѣячу слѣдуетъ помочь, а для другого не стоитъ и рукъ марать.

— Дѣякекъ, да... я дѣячекъ.

— Да ты, смотри, не обмань меня... точно ли дѣячекъ?

— Право, дѣячекъ.

Молодой человѣкъ взялъ телѣгу, легко поднялъ ее на переднюю ось, но преднарочно ставить такъ, чтобы шкворень не приходился надѣлъ дырою въ оси, показывая видъ, что будто онъ не можетъ угодить, какъ слѣдуетъ. Старикъ поощряетъ его.

— Ну, ну, кормилецъ, еще немножечко, и дѣло въ шляпѣ... еще чуточку вправо... ахъ, слишкомъ... теперь немножко впередъ... немножко вѣво...

Но молодой человѣкъ скинувъ телѣгу съ передка и сказалъ:

— Нѣть, не буду подымать... Можешь быть, ты вовсе и не дьячекъ.. А только сказался дьячокъ, чтобы я тебѣ телѣгу поднялъ.

— Дьячекъ, родимый; право, дьячекъ.. Да вотъ, посмотри самъ, сказалъ старикъ, снявши шляпу и показывая на косички.

— По косамъ ты точно дьячекъ; надо поднять телѣгу: дьячку нельзя не помочь—грѣхъ будетъ.

Молодой человѣкъ во второй пріемъ продѣлалъ съ телѣгою тоже самое, что въ первый, и опять сбросилъ телѣгу съ передка.

— Нѣть, ты, кажется, не дьячекъ.

— А косы-то видѣлъ?

— Видѣлъ. Да что косы? Сначала было я имъ и повѣрилъ, но вспомнилъ, что не одни дьячки носятъ ихъ: онѣ есть у всякой бабы.

— Да я не баба, я—дьячекъ.

— Кабы я зналъ, что ты точно дьячекъ, давно бы наладилъ телѣгу. Но я сомнѣваюсь... Вотъ руки-то и не подымаются. Стоитъ ли марать ихъ, если ты не дьячекъ?

— Право, дьячекъ. Да вотъ ты пріѣзжай къ намъ въ Зaborье на праздникъ, на Парасковію, 28 октября, самъ увидишь меня на клиросѣ.

— А если дьячекъ, какъ тебя зовутъ?

— Иванъ Ивановичъ Покровскій.

— Иванъ Ивановичъ Покровскій? Имя, кажется, дьячковское... Телѣгу поднять слѣдуетъ. Теперь вѣрно, что ты дьячекъ.

— Да, я—Иванъ Ивановичъ Покровскій.

Молодой человѣкъ поставилъ телѣгу на передокъ, какъ слѣдуетъ, и помогъ старику уложить въ нее поклажу.

— Ну, и шутъ же ты, любезный, произнесъ Иванъ Ивановичъ: какъ вымучилъ меня... А все-таки ты человѣкъ добрый—спасибо.

— Прости, дѣдушка, подшutilъ.

— Молодымъ людямъ отчего и не шутить надъ старыми... Подшutilъ, да дѣло сдѣлalъ, и ладно вышло.

Да. Передѣнами тотъ самый Иванъ Ивановичъ Покровскій, который 28 іюля 1876 года молодымъ человѣкомъ подѣхалъ на парѣ почтовыхъ лошадей къ воротамъ гостиницы захолустнаго уѣзднаго городка въ сѣверномъ краѣ.

Вскорѣ по возвращеніи изъ Москвы, въ 1884 году, Иванъ Ивановичъ былъ посвященъ въ діаконы къ одной изъ сельскихъ церквей. Въ новой должности жилось ему не дурно, тѣмъ болѣе, что учителствованіе ему опостылѣло. Отъ природы онъ былъ болѣе склоненъ къ праздной жизни, нежели къ трудовой, и давно мечталъ сдѣлаться церковникомъ, хотя бы и послѣдней степени: дьячкомъ или пономаремъ. Но когда ядя его принялъ санъ Епископа, мечта Ивана Ивановича окрилилась: блеснула надежда занять почетную степень священства.

Онъ былъ скорѣе скучъ, нежели расточителенъ, хотя при первомъ нашемъ знакомствѣ съ нимъ могъ показаться страдающимъ послѣднимъ порокомъ. Онъ съ зависью смотрѣлъ на поборы священниковъ и всегда преувеличивалъ ихъ, въ своемъ воображеніи. Всякій грошъ, попавшій въ его карманъ, кроме учительского жалованья, цѣнился имъ дорого, приводилъ его въ торжественное настроеніе. Правда, онъ любилъ выпить, только на чужой счетъ, и потому, еще въ бытность учителемъ, часто посѣщалъ праздники, свадьбы, поминки, если они случались у знакомыхъ. Въ средствахъ къ жизни онъ не нуждался: у него была только одна дочь, другихъ дѣтей не было. Но изъ экономіи въ дни, когда у знакомыхъ случались праздники, жена его обѣда у себя не готовила, чаю у себя тоже не пили, чтобы съ большимъ appetитомъ покушать въ гостяхъ. Случалось, когда жена уѣзжала на свою родину на несколько недѣль, онъ выпивалъ въ компаніи волостного писаря или случайныхъ посѣтителей, и выпивалъ лихо: долго не вытрезвлялся. Въ нетрезвомъ видѣ приставалъ съ любезностями къ женшинамъ безъ всякаго стыдненія, за что и получалъ отъ нихъ толчки, пинки, иногда и украшеніе на лицо въ видѣ синяка. Въ такихъ случаяхъ онъ былъ щедрымъ: угощалъ всякаго, кто попадался ему на глаза. По вытрезвленіи страдалъ за потраченные зря деньги, и скучность его достигала высшей степени. Разъ онъ послѣ подобнаго кутежа пришелъ къ одной старушкѣ и сказалъ: „бабушка, дай мнѣ яичко—другое... Когда буду попомъ, я помолюсь за тебя“.—„Ну“, отвѣчала та: „еще не сталъ попомъ, а ужъ поборы требуешь“.

Иванъ Ивановичъ служилъ діакономъ въ большомъ приходѣ: праздники то въ той, то въ другой деревнѣ слу-

чались часто; но если прибавить къ нимъ крестины, именины, свадьбы, похороны, не опустительно посѣшаемыя Покровскимъ, будетъ понятно, почему онъ рѣдкій день оказывался треввымъ.

Послѣ десяти лѣтъ діаконства онъ былъ посвященъ въ священники въ захолустный маленький приходъ, въ которомъ числилось около полутораста душъ мужескаго пола. Но его постигло болынное несчастіе. Жена его была женщина слабаго здоровья, заботливая, опрятная. Пьяная жизнь мужа окончательно надломила ея здоровье: она заболѣла и умерла. Положеніе Покровскаго стало плачевно. Въ качествѣ домоправительницы онъ взялъ къ себѣ тетку жены, сестру ея отца, старую дѣвицу. Подъ ея наблюденіемъ выростала дочь Ивана Ивановича Настя; тетка слѣдила и за самимъ Покровскимъ. Если онъ запивалъ, удаляла его въ особую комнату, поставивъ на столъ волку и закуску, а комнату запирала. Такія мѣры принимались въ предупрежденіе скандала; по смерти жены Иванъ Ивановичъ упалъ нравственно еще ниже: въ пьяномъ видѣ приставалъ ко всякой жеєщинѣ. Онъ иногда, чувствуя приступы недуга, самъ просилъ старушку послѣдить за нимъ: „Тетенька, запри меня на ночь въ эту комнату“, говориваль онъ въ подобныхъ случаяхъ.

Шли годы. Настя стала Настасіей Ивановной. Но она имѣла физическіе недостатки: станъ ея покривился на одинъ бокъ, къ тому же была нѣсколько косноязычна. При всемъ стараніи отцу не удалось подыскать ей подходящаго жениха изъ церковниковъ, не смотря на приличное приданое за нею. Наконецъ сестра Покровскаго посовѣтовала ему выдать Настасію Ивановну за техника, служившаго на какомъ-то пароходѣ машинистомъ. Бракъ состоялся. Въ замужествѣ Настасія Ивановна была несчастна. Мужъ ея тоже оказался пьяницей. Большую часть приданаго жены растратилъ, а самое ее бросилъ. Она вынуждена была ни съ чѣмъ возвратиться къ отцу.

Это несчастіе окончательно погубило Ивана Ивановича. Онъ отчаянно запилъ, и въ припадкѣ бѣшенства разбѣкъ топоромъ черепъ старушкѣ—теткѣ, пытавшейся предостеречь его отъ гибели; она, обливаясь кровью, упала и отдала душу Богу.

Напились люди, пожалѣвшіе несчастнаго: обмыли трупъ убитой, положили въ простой деревянный гробъ и прикры-

ли бѣлымъ полотномъ. Самъ Иванъ Ивановичъ отпѣлъ и похоронилъ покойницу.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого происшествія онъ поссорился съ церковнымъ сторожемъ. Послѣдній сдѣлалъ доносъ на священника, обвиняя го въ убийствѣ тетки. Трупъ ея вырыли изъ могилы. Судебное слѣдствіе установило насильственную смерть. Ивану Ивановичу виноватыли совершать богослуженіе. Окружной судъ призналъ его невиновностью во время совершеннія преступленія. Его послали въ монастырь на послушаніе недѣли на три, а потомъ дали ему должность псаломщика.

Все это произошло въ то время, когда дядя Ивана Ивановича, архієрей, былъ устраниенъ отъ завѣдыванія епархіей за то, что допустилъ какой-то беспорядокъ въ томъ самомъ монастырѣ, въ которомъ была его резиденція.

Сельскій учитель.

Съ настурь.

Машка хныкаетъ и задумчиво держитъ веревку отъ люльки маленькаго Васьки. Носъ у ней распухъ, лицо красное и мокре отъ слезъ. Тощая косичка съ грязной красной тряпкой торчитъ на затылкѣ...

Зимнее утро.—Въ избѣ стоитъ паръ отъ коровьяго мѣсива. Мать Машки то и дѣло вбѣгаеть и выбѣгаеть изъ избы...

— Что ты, вражокъ, не качаешьъ-то,—набросилась она на Машку и схватила за косичку... Качай, качай...

Машка пуще заливается слезами и машинально держает веревку...

— Тебѣ сказано—не пойдешь сегодня въ школу, ворчишь мать... Пореви еще...

Машка, выждавъ, когда мать ушла на дворъ, бросаетъ веревку отъ люльки, хватаетъ полушубокъ и котомку съ книгами, поспѣшно одѣвается и воровски-незамѣтно выбирается на улицу... Здѣсь, почувствовавъ себя въ большей безопасности, она уже смѣлый бѣжитъ въ школу, которая въ сосѣдней деревнѣ версты за три... Морозъ пощипываетъ мокрыя щеки, но Машка не чувствуетъ... Она быстро сѣменитъ ноженками въ болышихъ валенкахъ и пугливо оглядывается назадъ,—нѣть ли погони

Марья Ивановна—учительница—пила у себя въ большую неремезну... Вдругъ является толпа ребятишекъ и тащатъ Машу... Та огрызается и опять хнычетъ...

— Что такое? встревожилась Марья Ивановна...

— Воровка... у Мишки хлебъ украла, да и йсть за печкой, послышалось изъ толпы...

— Ей дома не дали хлѣба-то.., воровски ушла... про-
буетъ кто-то защищать Машку. Сама она молча стоитъ, пу-
гливо озираясь, какъ волченокъ...

— Хорошо—идите, рѣшаешь Марья Ивановна, а ты останься, говорить она Машкѣ...

Ребята послушно уходятъ.

Марья Ивановна ласково гладить Машку и говорить:

— Ну, не плачь, не плачь... Въ чёмъ же дѣло-то?

— Мамка не пущаетъ... Нѣ дала хлѣба... я во... о-оровски... и Машка судорожно зарыдала, припавъ къ учительницѣ...

Большого труда стоило Марьѣ Ивановнѣ успокоить ребенка и усадить за чай...

Машкѣ все отчего-то стыдно. Стыдно ей и Марьи Ивановны и ребята, а ъсть такъ хочется... Такъ бы кажется и съѣла весь Мишкинъ хлѣбъ..., У него много... онъ, Мишка-то, богатъ

На урокъ Марья Ивановна разъяснила ребятамъ Машкинъ поступокъ и предложила имъ самимъ помочь въ нуждѣ или посыпать къ ней...

— А ты не бойся, обратилась она къ Машѣ. Послѣ уроковъ я сама провожу тебя до матери и переговорю съ ней...

A. C—*Br.*

Годъ II.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1908.

на журналъ „Отклики народнаго учителя
и его досуги“.

Журналъ служить для обмѣна мыслей между учителями визшой и начальной школы. Въ немъ печатаются только статьи учителей и учительницъ (настоящихъ и бывшихъ) училищъ начальныхъ всѣхъ наименованій и городскихъ по положенію 1872 года. Отъ постороннихъ принимаются лишь письма въ редакцію по поводу помѣщенныхъ уже въ журналѣ корреспонденцій.

Подписная цѣна журнала **четыре рубля** въ годъ съ доставкой и пересылкой.

Учителя и учительницы приглашаются заговоркременно присыпать свои статьи по вопросамъ, интересующимъ однаго учителя, сообщенія о выдающихся явленіяхъ въ жизни народной школы, разборы вновь выходящихъ книгъ для употребленія въ народныхъ училищахъ, воспоминанія, записки, дневники и т. п.

Каждая статья должна быть снабжена подписью, подъ которой авторъ желаетъ опубликовать ее (полная фамилія, ініціалы, псевдонимъ и т. п.), и сверхъ того къ ней должно быть приложено (для съѣдѣнія редакціи) сообщеніе объ имени, отчествѣ и фамиліи автора и его почтовомъ адресѣ. Безъ соблюденія этого условія рукописи не только не печататься, но даже и просматриваться редакціей не будуть. Разборы вновь выходящихъ книгъ будутъ печататься только за полной подписью авторовъ.

Статьи и подписные деньги слѣдуетъ адресовать: въ Вологду редактору—издателю журнала „Отклики народнаго учителя и его досуги“ Аѳанасію Федоровичу Знаменскому.

Имѣя въ виду понижать подписную цѣну журнала по мѣрѣ его распространенія, мы въ видѣ переходной мѣры къ значительно пониженнѣй цѣнѣ предлагаемъ нашимъ подписчикамъ слѣдующее:

1. Подписаніе до 31 Декабря на оба года (1907 и 1908) присылаютъ за оба года **семь рублей**.

2. При одновременной подпискѣ изъ какого—нибудь уѣзда (чрезъ инспектора, чрезъ земскую управу или чрезъ кого-либо изъ учителей) на двадцать пять экземпляровъ или болѣе высылается по три рубля (адресы подписчиковъ слѣдуетъ въ такихъ случаяхъ присыпать въ особомъ письмѣ). Названія такихъ уѣзовъ будутъ публиковаться, и затѣмъ уже и отдельные подписчики изъ этихъ уѣзовъ высылаютъ по три рубля.

Мы надѣемся, что впослѣдствіи можно будетъ еще понизить цѣну. Все зависитъ отъ числа печатаемыхъ и разсыпляемыхъ экземпляровъ.

Редакторъ—издатель А. Знаменскій.

С.-Петербургъ.

Открыта подписка на новую еженедѣльную педагогическую и литературно-общественную газету, посвященную вопросамъ образования и трудового воспитанія въ семье и школѣ

„Жизнь и Школа“

Газета ставитъ своей задачей распространеніе прогрессивныхъ педагогическихъ идей среди лѣтателей школы, родителей учащихся и широкихъ слоевъ русского общества, а также освѣщеніе жизни и труда педагоговъ, общественныхъ и профессіональныхъ организацій, служащихъ цѣлямъ низшаго, средняго и высшаго образования, какъ школьнаго, такъ и внѣшкольного.

Въ газетѣ пранимаютъ участіе: С. В. Аникинъ, прив.-доц. П. А. Баратынскій, С. Ю. Блуменау, проф. И. А. Бодуэнъ-де Куртенэ, проф. А. К. Бороздинъ, И. А. Бунинъ, проф. В. А. Вагнеръ, П. И. Вейнбергъ, д-ръ А. С. Вирениусъ, В. А. Волковичъ, прив.-доц. В. В. Володкевичъ, Н. М. Глаголева, проф. И. М. Гречесъ, проф. Э. Д. Гrimmъ, С. М. Глаголева-Данини, Э. К. Данини. Н. С. Державинъ, Я. И. Душечкинъ, С. А. Золотаревъ, Н. С. Карцевъ, И. Н. Козловскій, проф. Н. И. Карбевъ, Н. И. Коробка, прив.-доц. А. Э. Лане, проф. П. Ф. Лесгафтъ, А. Л. Липовскій, В. С. Лихачевъ, прив.-доц. Н. О. Лосскій, ад.-проф. Н. Н. Ляминъ, Н. Ф. Нестеровъ, прив.-доц. А. П. Нечаевъ, А. Л. Никитинъ, Н. Н. Окуловъ (Тамаринъ), проф. Л. И. Петражицкій, свящ. Григорій Петровъ, Н. И. Позняковъ, проф. К. А. Поссе, Н. А. Рубакинъ, С. Ф. Русова, прив.-доц. В. Н. Сперанскій, З. К. Столица, академикъ кн. И. Р. Тархановъ, Н. Д. Телешовъ, д-ръ М. С. Уваровъ, проф. Г. В. Хлонинъ, Н. В. Чеховъ,, Евг. Н. Чириковъ, проф. В. М. Шимкевичъ, С. И. Шохоръ-Троицкій, Г. К. Штембергъ, И. Л. Щегловъ и др.

Программа газеты:

- I. Руководящія и оригинальныя статьи по вопросамъ школьного и внѣшкольного образованія.
- II. Рефераты и обзоры изъ русской и иностранной педагогической литературы.
- III. Художественно-литературный отдѣлъ.
- IV. Оффиціанльный отдѣлъ.
- V. Корреспонденціи и хроника.
- VI. Критика и библіографія.
- VII. Почтовый ящикъ.
- VIII. Справочный отдѣлъ.
- IX. Объявленія.

Въ этихъ отдѣлахъ будуть помѣщаться статьи и сообщенія, касающіяся низшаго, средняго и высшаго образования, школьнаго и внѣшкольнаго; общихъ вопросовъ педагогії, физического воспитанія и школьнай санитарії; дѣятельности государственныхъ и общественныхъ учрежденій въ области образования (Гос. Думы, земствъ и городовъ); учи-тельскихъ организацій и просвѣтительныхъ обществъ, родительскихъ кружковъ и комитетовъ; организаціи профессіональнаго образования; устройства публичныхъ курсовъ и лекцій, воскресныхъ и вечернихъ классовъ, народныхъ университетовъ, библіотекъ и читаленъ, книжныхъ складовъ, музеевъ, выставокъ по народному образованію, образовательныхъ экскурсій и дѣятельности спортивныхъ обществъ и кружковъ.—Особое вниманіе газета удѣлить вопросамъ народнаго образования въ Россіи и за границей, стараясь отмѣтить недостатки въ его постановкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ указывать, при какихъ условіяхъ оно могло бы отвѣтить современнымъ требованіямъ жизни.—Газета приметь всѣ мѣры къ тому, чтобы въ надлежащей степени освѣщать правовое и материальное положеніе учащихъ и способствовать ихъ объединенію.—Придавая важное значеніе частной ініціативѣ въ дѣлѣ образования, газета будетъ отмѣтывать всякое новое теченіе въ этой области.—Широко будетъ поставленъ отдѣлъ учительскихъ корреспонденцій и сообщеній.—Газета будетъ сообщать о всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ явленіяхъ въ области законодательства по народному образованію и научно-педагогической литературы, а также будетъ

даватъ всякаго рода справки и указанія практическаго характера по вопросамъ школьнаго и внѣшкольнаго образованія.

Подписная цѣна: на годъ 2 руб. 50 коп., на полгода—1 р. 25 коп. съ доставкой и пересылкой.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи и въ крупныхъ магазинахъ [обѣихъ столицъ. Г.г. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію: С.-Петербургъ, Забалканскій пр., д. 22, Гимназія Г. К. Штемберга. Телефонъ № 265—64

Первый № выйдетъ 15 Октября 1907 г.

Подписавшіеся до 1 Января 1908 г. получать бесплатно все номера, вышедшіе въ 1907 году.

Редакторъ Г. К. Штембергъ.
